

ИСКАНДАР БУРНАШЕВ

ТВОКЕР.

ИРОНИЧЕСКИЕ

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ

ОФИЦЕРА. КНИГА 1

Искандар Бурнашев

Твокер. Иронические рассказы из жизни офицера. Книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17511620
Твокер Книга 1: ООО "Остеон-Пресс"; Ногинск; 2016
ISBN 978-5-85689-104-0*

Аннотация

В искромётной и увлекательной форме автор рассказывает своему читателю историю того, как он стал военным. Упорная дорога к поступлению в училище. Нелёгкие, но по своему, запоминающиеся годы обучения в ТВОКУ. Экзамены, ставшие отдельной вехой в жизни автора. Служба в ГСВГ уже полноценным офицером. На каждой странице очередной рассказ из жизни Искандара, очередное повествование о солдатской смекалке, жизнеутверждающем настрое и офицерских подвигах, которые военные, как известно, способны совершать даже в мирное время в тылу, ибо иначе нельзя. Но если читатель думает, что книга является сборником одних только плоских шуточек и солдатских приколов, то автор спешит предупредить, что это не так. Эти рассказы для тех, кто служил в армии, служит в ней или только собирается. И, как и в жизни, в рассказах есть место как шутке, так и серьёзному взгляду.

Содержание

Часть I	4
Вступление	5
ТВОКУ 76–80	11
Глава 1	11
Курс первый	22
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	46
(Через шесть лет)	53
(Через десять лет)	56
Глава 7	57
Кстати	65
Глава 8	66
1. Зарождение города, который я люблю	67
Необходимое отступление	68
2	85
Курс второй	97
Глава 9	97
Глава 10	108
Глава 11	118
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Искандар Бурнашев Твокер. Иронические рассказы из жизни офицера Книга 1

Часть I Твокер 76–80 Иронические рассказы из жизни будущего офицера

Эти рассказы для тех, кто служил в армии, служит в ней или только собирается. Если Вы рассчитываете только услышать анекдоты, высмеивающие нашу армию и военных, закройте книгу. Она не для Вас. В ходе своих рассказов, я, иногда позволял себе посмеяться над собой или своими друзьями. Но я приношу искренние извинения всем, кого я обидел неловким высказыванием или неуместной шуткой. Честное слово, это сделано не

со зла.

Автор.

Вступление

Всё началось одним ничем непримечательным днём, когда мама привела в дом для бесед с моим старшим братом, серьёзного дядю. Целью предстоящей беседы должны были стать отказ моего брата от намерения поступать в военное училище, и получение его согласия поступить на кафедру Космической Связи Ташкентского государственного университета.

У всего есть начало. Пусть началом этой истории станет этот день, когда наша мама, исчерпав все свои аргументы, пустила в ход тяжелую артиллерию – «последний довод королей» – декана этого факультета.

Можно было начать эту историю как-нибудь по-другому. Например, с того, что у мамы с папой было два сына, один умный, а другой – военный. Точнее, только собирался стать таковым, в смысле военным. Мама, успешный врач, считала, что в семье хватает одного бывшего военного – моего отца. Теперь мой отец работал скромным экономистом в одном строительном управлении.

Мои читатели уже нарисовали мысленно загородный особняк на берегу озера, где и будут разворачиваться дель-

нейшие события. Нет, друзья мои, должность экономиста в те далёкие времена, действительно, была скромной. Как считалась скромной и должность врача нейрохирурга-втизиатора, делающего сложные и успешные операции на лёгких. Чтобы растить двух балбесов – сыновей, матушке приходилось часто дежурить в больнице, подрабатывать на скорой помощи и периодически вылетать на самолётах «Санавиации» в отдалённые районы, для оказания экстренной медицинской помощи больным. Да, друзья мои, это было время, когда вылет врача на самолёте, по вызову больного в район, где не оказалось соответствующего специалиста, было делом обычным. Как вы уже поняли, события этой истории происходили в далёкие-далёкие времена, можно сказать даже, в прошлом веке. Конечно, и такое начало не хуже, но и не лучше прежнего. Поэтому, остановимся на первом варианте.

Итак, декан факультета, на который ежегодно поступали лишь восемнадцать человек, чтобы, после окончания учёбы, отправиться по распределению для дальнейшей работы на Байконур или в Москву, долгих пол часа раскрывал перспективы, которые раскроются перед моим братом, если он сделает правильный выбор. Но безуспешно. Твёрдость в убеждениях, необходимое качество, для будущих командиров. Хотя мама использовала другие эпитеты, что-то вроде «ослиное упрямство», но она, как и все врачи, была немного циником, и, немного, недолюбливала военных.

После безрезультатной беседы, все разошлись, кто куда.

Декан, с сожалением покачав головой, отправился готовить будущих владельцев корпораций «Билайн» и «Мегафон». Брат убежал по своим делам. У старших братьев всегда находятся «важные дела», когда нужно избежать или, хотя бы отсрочить, неприятные разговоры с родителями. Расстроенная мама пошла в свою комнату, всплакнуть по поводу загубленной судьбы старшего сына, а я пошёл в свою комнату подумать о том, как успокоить маму. Вообще-то комната была у нас одна на двоих, с братом. Но раз он окончательно собрался поступать в военное училище, то очень скоро комната должна стать моей безраздельно. Вы понимаете, что при таком раскладе, я всецело был на стороне своего брата в вопросе выбора профессии. С братом у нас были вполне хорошие отношения. Первоначально, лет так до шести, меня сильно напрягало то обстоятельство, что он всегда был старшим. На мой возмущенный вопрос, обращенный к маме «Когда же я стану старшим?», мама спокойно ответила, что **никогда(!)**. Как я уже упоминал, она, как и все врачи, иногда была излишне прямолинейной. Но потом я понял, что в данной ситуации есть и обратная сторона. Однажды на вопрос: «Кто я, сова или жаворонок?» мой брат бесцеремонно заявил, что, по его мнению, я ни то, и не другое. И, вообще он считает, что я – пингвин. Ох, уж эти старшие братья! Как им трудно смириться с тем, что мы всегда будем моложе и привлекательнее их. С возрастом им всё труднее завидовать молча. Я не обижаюсь на своего брата, хотя он бы мог выра-

зиться и поделикатнее. Например, заменить слово пингвин словосочетанием «плотно поевшая ласточка».

Как бы то ни было, я, как будущий владелец отдельной комнаты, мог себе позволить сделать широкий жест и проявить чуткость к своим родным. В то же время мне пришло в голову, что пришла пора выбрать и свою будущую специальность. Мой отец был офицером. Мой старший брат, через всё преграды, добился права попытаться стать офицером. Значит, подсказало мне моё сердце, мой долг перед династией обязывает меня тоже стать офицером. И пришло время заявить о своих правах стать продолжателем славной семейной традиции. Но меня немного смущала позиция моей любимой мамы в этом вопросе. Спорить с ней у меня никогда не получалось. И тут в моей голове родился план. (Как вы помните, у мамы один сын был умным, это уже потом я тоже стал военным). Поэтому, я потихоньку вошел в комнату к маме, и, чтобы окончательно её успокоить, примирительно проговорил:

– Мама, не плачь, я ведь тоже пойду в военное училище!

Мой тонкий психологический приём сразу сработал. Мама возмущенно посмотрела в мои, незамутненные раскаянием, глаза и, помолчав, раздражённо произнесла:

– Хочешь в училище? Иди.

Так я, одной правильно построенной фразой, без долгих уговоров, добился разрешения стать военным. Как вы уже поняли, уже тогда я отличался не только деликатностью, но

и редкой сообразительностью. Чтобы не дать маме время передумать, я тихонько вышел из комнаты, оставив её в удивлении порадоваться за светлое будущее своего младшенького сыночка.

В своей комнате я подошел к зеркалу и, приняв позу победителя, внимательно посмотрел на себя.

На меня смотрел симпатичный, пропорционально сложенный парень с богатым внутренним содержанием. Хотя избыток богатства внутреннего мира и несколько утяжелял мой силуэт, зато пропорции высоты и ширины при повороте к зеркалу боком или грудью, у меня всегда оставались неизменными. Это и давало мне основание считать себя пропорционально сложенным молодым человеком. Вообще-то, по своей комплекции, я больше походим на генерала или, в крайнем случае, на полковника. Возможно, что в форме лейтенанта, я стану смотреться излишне солидно, но – пусть задохлики завидуют.

Итак, решено, буду военным. Как там, у Козьмы Прутков-а? «Хочешь быть красивым, иди в гусары!»

Ну, за красотой я не гонюсь, тут меня бог не обидел. По крайней мере, себе я нравился всегда. А вот девчатам моя военная форма должна будет подчеркнуть мою мужественность.

Итак, с этого всё и началось. Я сделал свой выбор и озвучил его маме. А после её разрешения, остальные препятствия меня уже не пугали. И теперь мне были открыты все

пути к Славе и Подвигам. Предлагаю Вам, мои читатели, пройти этот славный путь вместе со мной.

ТВОКУ 76–80

(Ташкентское высшее общевойсковое командное училище имени Владимира Ильича Ленина.)

Глава 1

На пути к Славе

Итак, я определился со своим выбором будущей профессии. Об этом я честно признался своему брату. Как и следовало ожидать, он сразу забеспокоился, что мои предстоящие успехи на предстоящем поприще, затмят его скромные достижения, а наличие в семье еще одного военного, сведёт на нет всю его исключительность.

Не желая выдавать своей обеспокоенности, брат ехидно заявил:

– А ты не сдашь экзамены по Физо!

«Физо», – так, немного фамильярно, называют физическую подготовку настоящие военные.

– Ну и что же мне нужно уметь делать?

– Подтянуться на перекладине не менее шести раз, пробежать 1000 метров и стометровку, и ещё проплыть 50 мет-

ров в бассейне.

– Легко!

Оставив за собой последнее слово, гордо удаляюсь, чтобы в спокойной обстановке, обдумать услышанное.

Из всего перечня «подвигов Геракла», можно уверенно вычеркнуть только заплыв на пятьдесят метров. Утонуть я не боюсь. Не надо, ля-ля! Просто в третьем классе я ходил в бассейн и научился плавать. Осталось еще научиться бегать и подтягиваться на перекладине.

Стометровка не вызывала во мне особых опасений. Ведь шестьдесят метров на уроках физкультуры в школе я пробежал без остановки. Если постараюсь, то пробегу и сто. А вот всё остальное... Делаю неутешительный вывод:

– Придётся заняться спортом.

Мой острый ум тут же подсказал мне решение, как совместить «приятное с полезным». Приятное, это когда занимаешься спортом в знакомом коллективе.

В результате одной заготовленной пламенной речи, произнесённой мною на школьной перемене, группа одноклассников, ненадолго стала моими единомышленниками, и твёрдо решила присоединиться ко мне для занятий спортом. Обсудив, мы все решили заняться боксом в спортивной секции на стадионе «Динамо». Сказано – сделано. После школы мы направились на разведку на стадион.

Тренер, скептически посмотрев на нас, сказал, что мы должны были прийти к нему ещё лет пять назад, но если нам

уж очень хочется, то мы можем попробовать свои силы на ринге. Сейчас, мол, как раз для нас освободится ринг.

Во время нашего разговора с тренером, на ринге два здоровых дядьки самозабвенно молотили друг друга большими перчатками. В то время даже старшекласники казались нам взрослыми дядьками, а старшеклассницы, – здоровенными тётками с большими достоинствами. Но мне, почему-то, запомнилось то удивительное обстоятельство, что тот дядька, который казался моложе, явно побеждал того, что постарше. Закончилось всё тем, что тот дядька, что казался помоложе, рассёк бровь старшему противнику, и поединок прекратили. Пока наши ребята готовились к своему первому выходу на ринг, я смог подробно разглядеть, как побитый дядька, тяжело дыша, сидел на скамейке, и пытался остановить льющуюся из раны кровь.

На ринге мне выпало выступать с моим одноклассником Красавцевым Олегом. За предоставленные мне три минуты я гонял его по всему рингу. По крайней мере, мне это, именно так, и представлялось. Я смело бросился в бой, но мой соперник, уstraшенный моим напором и грозным видом, все время уклонялся от поединка, постоянно тыкая меня своими перчатками. Я и не думал, что боксёрские перчатки могут быть такими тяжёлыми и жёсткими. И такими огромными. Когда я вставал в боксёрскую стойку, они полностью закрывали от меня Олежку, что позволило ему уклоняться от моих разящих ударов до самого конца раунда. Я так ни разу

и не зацепил его, ни апперкотом, ни прямым в голову. Когда ударил гонг, Олежка не смог скрыть своей радости, по поводу того, что ему удалось устоять на ногах. Тренер отметил мою напористость. Про действия моего соперника ему просто нечего было сказать.

Возвращаясь домой, после тренировки, почти все мои одноклассники решили продолжить занятия боксом. Кроме меня. У меня перед глазами стоял, точнее, сидел побитый дядька, обливающийся кровью, и жадно хватаящий ртом воздух. И что же будет со мной, когда после каждого боя я буду видеть своих соперников в таком жалком виде? У меня же сердце не выдержит. Нет, калечить людей на потеху публике, – это не для меня. Нужно подобрать менее кровавый вид спорта.

Мой выбор пал на борьбу самбо. Не буду перечислять всех причин, но решающей стало крайне благоприятное впечатление, которое на меня произвёл тренер. В нём сразу чувствовались и ум, и глубокое понимание истинной ценности человека. Уважительно взглянув на весы, он сразу проникся ко мне искренней симпатией, и предложил начать тренировки немедленно. Он и не скрывал, что ему редко приходилось тренировать таких весомых спортсменов. Тренировались мы три раза в неделю. Два дня занятий мы посвящали разучиванию приёмов и силовым упражнениям, а один тренировочный день посвящали учебным схваткам. Я как новичок, в первую очередь начал изучать приёмы страховки и са-

мостраховки. Затем приступил к изучению приёмов. После разучивания приёмов самостраховки и нескольких бросков, тренер уверенно заявил, что я вполне готов к выступлению на республиканских соревнованиях.

Так я понял, чем мне так импонировало самбо. Самбо не столько борьба, сколько философия. Учись падать, чтобы научиться подниматься. Уступай, чтобы победить. Не ищи точку опоры, чтобы перевернуть Мир, стань ею для Мира, и Мир станет вращаться вокруг тебя. Не бойся открытого сопротивления, опасайся уступок и отступлений, они признак готовящейся атаки. Болевой приём приносит победу, ибо угроза травмы останавливает, а нанесённая рана призывает к отмщению. Не загоняй противника в угол, ибо этим ты принуждаешь его сражаться до конца.

Эти правила и в жизни приносят победу.

Но надо сказать, что не иметь себе равных соперников, не всегда приятно. В нашей юношеской секции все борцы были значительно мельче меня. Бороться с мелким противником нетрудно, но неинтересно. Побороть меня у ровесников не получалось. Поднырнув под меня для броска, они безуспешно пытались оторвать меня от земли, и мне, для победы оставалось только навалиться на них всей тяжестью своего авторитета, чтобы соперник, барахтаясь подо мной, начинал готовиться к сдаче.

Так я шел от победы к победе.

Лишь однажды, во время учебной схватки мне пришлось

бороться со спортсменом, своей весовой категории, которого я видел впервые. Помня о своих славных победах, я уверено пошел вперед и я, с удовлетворением, почувствовал, что он явно опасается меня. В результате, я закончил схватку чистой победой, совершив эффектный бросок через бедро. Тренер похвалил меня и набросился с упрёками на моего соперника. И тут выяснилось, что мы оба стали жертвой дружеского розыгрыша. Оказывается, мой соперник был опытным борцом и, даже призёром соревнований. Он приехал со сборов, а его товарищи, из озорства, запугали его мною, расписав меня как монстра, ломающего и калечащего своих соперников во время схватки. Мне же они описали его, как неопытного новичка и попросили показать ему настоящую борьбу. В результате мой соперник проиграл схватку еще до выхода на ковер. А я победил, так как поверил в свои силы и в свою победу.

К сожалению, Звёздам Большого Спорта часто приходится сталкиваться и с «подковёрной борьбой» и с интригами. Как видите, с этим явлением пришлось столкнуться и мне.

Этим они подарили мне победу, но украли у меня радость от её достижения. Но и при этом, мудрый человек может извлечь для себя важный урок: для всех ты не тот, кем ты считаешь себя сам, а тот, кем считают тебя окружающие. Пусть тебя считают Монстром, оставайся человеком. Хуже слыть Человеком, становясь в душе Монстром.

По моим философским отступлениям, Вы уже догада-

лись, что я не иду на поводу у своей скромности, и не собираюсь скрывать от вас свои неординарные способности. И пусть Ум не всегда помогает человеку во время схватки, но он потом здорово помогает после неё оправдать победы и объяснить поражения.

Но спорт, как жизнь. Нельзя всегда только получать, не отдавая ничего взамен. Иногда плата за достигнутые цели, становится чрезмерной. И тогда радость от достигнутого результата, может омрачиться сожалением, от безвозвратно растраченных времени и здоровья.

Не стал исключением и я. В ходе тренировок в моём организме начались необратимые изменения. Раньше, я не мог пробежать и четырёхсот метров, не испытывая сильной боли в боку. Видимо организм, исчерпав свои резервы, напоминал мне, что пора подкрепиться. Он просто отказывался продолжать бег, не получив чего-нибудь вкусенького. Теперь мой организм, изнурённый спортивными упражнениями, научился стойко терпеть голод и лишения, и я уже мог пробегать два-три круга по стадиону без остановок. Но не получая необходимых калорий в ходе тренировок, мой организм начал терять килограммы. Теперь глядя на себя в зеркало, я с грустью стал отмечать, что пропорции моего тела нарушаются. Теперь, встав боком к зеркалу, я видел, что расстояние от спины до живота становится значительно меньше, чем ширина плеч. Усиленное питание после тренировок мне не помогало. Нагрузки переносились легче, но вес так и

не восстанавливался. Хуже всего, что скрывать это от окружающих становилось всё труднее. Однажды мой тренер, с возмущением взглянув на весы, приказал восстановить мой вес. Потому что со своим прежним весом на соревнованиях я сразу обеспечу себе победу за отсутствием соперников. А с нынешним своим, как он выразился «бараньим весом», я просто затеряюсь в толпе ничем не выдающихся соперников. А без побед, я тренеру был не интересен.

Для моих читателей далеких от Спорта, необходимо объяснить, что в борьбе спортсмены выступают на соревнованиях в группах разделённых весовыми категориями. То есть мелкие борются с мелкими, большие с большими, а Великие с Великими... Не является исключением и юношеский спорт. Дело в том, что среди подростков очень проблематично найти юных спортсменов размером XXXL. Даже на республиканские соревнования трудно было найти юное дарование весом свыше ста килограммов. Если на соревнования прибывал только один спортсмен, то он становился «Чемпионом республики» из-за неявики соперников. А чемпион республики, это уже кандидат в мастера спорта! Если же, на чемпионате находилось два талантливых спортсмена, то в короткой схватке они решали, кому из них быть Чемпионом, а кому лишь «призёром республиканских соревнований». А это уже пусть и скромный, но первый юношеский разряд по борьбе «самбо». В результате тренер получал право записать в свой список достижений еще одного «выращенного»

кандидата в Мастера спорта или перворазрядника. А юный спортсмен, в трудную минуту мог честно предупредить соперников, встретивших его в тёмном переулке, что является кандидатом в Мастера спорта по борьбе «самбо», а лишь потом броситься наутёк.

Я понимаю, что, в ту минуту, мой тренер просто хотел разбудить во мне честолюбие и сохранить мою яркую индивидуальность во славу Большого Спорта. Но я чувствовал, что дело зашло слишком далеко. Мне теперь придётся мириться с необходимостью привыкать жить, «как все». Понимая, что каждый взгляд на меня, вызывает у тренера невыносимо тяжёлые воспоминания о разбитых надеждах и утраченных победах, я ушел из Большого Спорта. Спорта Больших людей и Больших достижений. И пусть это станет еще одной жертвой, принесённой мною ради защиты Родины. Ради того, чтобы я мог защищать её не только на спортивных аренах.

Я понимал, что любой другой тренер был бы просто счастлив, заполучить в свои воспитанники такого многообещающего спортсмена. Но я уже выбрал свой путь. Путь Воина. А воин не станет вселять несбыточные надежды в хороших людей. Ведь, уходя в военное училище, мне придется разбить их надежды, которые они, естественно, начнут возлагать на меня и мои Победы. Нет, нельзя быть жестоким без необходимости. Приходится признать, что спортивные рекорды, медали, титулы и звания – это не для меня. Иногда приходится пожертвовать малым, ради Великой Цели. (Как види-

те, я, иногда, был способен и на великодушие)!

Покинув тренера, я, как отшельник, продолжил занятия в одиночку. Утренние ежедневные пробежки по два-три километра, регулярные тренировки на перекладине дали желанный результат. В десятом классе я легко мог пробежать километр и подтягиваться на перекладине пять-шесть раз. Правда, мой внутренний мир стал меньше. Он легко умещался в щупленьком теле ростом 176 см, при весе всего в 76 кг. Я перестал ловить на себе взгляды прохожих. Правда, и девчата стали смотреть на меня уже без внутренней настороженности. Раньше они скромно сторонились меня, видимо, предпочитая держаться подальше от Больших людей, при всей их доброте и богатому внутреннему миру. Да, нелегко Большому человеку, в этом маленьком и хрупком мире! В мире маленьких людей.

Не мною замечено, что подобное тянется к подобному. Большое всегда стремится к большому, маленькое к маленькому, а хорошее к хорошему. Поэтому, Вас не должно удивлять, что такой скромный человек как я, не только жил в самом Лучшем городе на Свете, но и учился в самой лучшей школе. Лучшей она была еще и потому, что наши учителя давали знания всем, кто хотел учиться, и втискивали их в тех, кто учиться не хотел. Выпускники нашей школы, кто хотел, всегда поступали в ВУЗы. (Не могу не уточнить, что лучшей школой, в те времена, была школа № 50 в городе Ташкенте) Поэтому сдача вступительных экзаменов не вызывала у меня

никаких тревог. В конце концов, на крайний случай, у меня всегда со мною было моё неотразимое оружие – моё обаяние и умение очаровать.

Так и получилось. И 4 августа 1976 года на аттестационной комиссии, я услышал заветные слова:

– Приказом Начальника училища, вы зачисляетесь курсантом Ташкентского высшего Общевоинского командного училища.

– Ура!

Курс первый

*Впереди четыре года, четыре долгих года,
И жизнь, как шестёрка – последняя из карт.
Тасуется колода, тасуется колода,
Тасуется колода, и карты шелестят.
Судьба у нас такая, Судьба у нас шальная,
Нас часто бьют без дела, без дела, а не за.
И вечно козырная, шестёрка козырная
Шестёрка козырная сегодня бьет Туза!*

Глава 2 Первые шаги

*Самый длинный путь начинается с первого шага.
Восточная мудрость*

С чего начинается служба? Правильно, – с военной формы одежды. Зря говорят, что военные – люди ограниченные. Только безграничная фантазия, помноженная на маниакальную любовь к порядку и регламенту, могли породить столько всяких правил и условностей в правилах ношении военного обмундирования. Чтобы разоблачить иностранного шпиона, пытающегося выдать себя за солдата нашей славной ар-

мии, достаточно просто дать ему задание оборудовать новую форму, выданную из кладовой, пагонами, петлицами и подворотничком.

И всё, тащи его, разоблачённого злодея, в Особый отдел, а, потом и в Трибунал. Всё-таки военные – люди необыкновенные. Хранить в своей памяти столько информации о правилах правильного ношения элементов военной формы, могут только явно одарённые личности.

Но в начале было Слово. Точнее, команда
– Становись!

Всё гениальное – просто. А, значит всё простое – гениально в своей простоте. Именно поэтому, а вовсе не от недостатка фантазии, все военные чаще предпочитают простые решения, решениям правильным.

При формировании курсантских рот, наш командир батальона курсантов дал нам первый пример быстрого решения непростого вопроса. Построив нас в одну колонну по росту, не мудрствуя лукаво, он отсчитал необходимое количество самых рослых курсантов и определил их в одну роту, в четвёртую курсантскую роту. Все остальные составили пятую роту, в которую попал и я. Так у нас на глазах родилась четвёртая рота «Шлангов». (от немецкого «шланг» – длинный). Здесь Вы легко можете убедиться, что в рождении этого насмешливого прозвища, мы проявили не только тонкое чувство юмора, но и изрядную образованность, вообще-то, свойственную курсантам в нашей пятой роте). В от-

вет, наши оппоненты не смогли ничего придумать, как назвать нас «бычками». Как вы видите, даже они не смогли отказать нам в признании нашей силы, молодости и красоты. Правда, некоторые особо язвительные субъекты, необоснованно, утверждали что «бычки» – это окурки. Но это голословное утверждение, идёт в разрез со всеми правилами русского языка, и не упоминается в толковом словаре Даля. Поэтому оставляем этот недостойный выпад на совести наших злопыхателей. Это только подтверждаем истину, что дураки, как и в те времена, так и в наше время, бывают не только круглыми, но и длинными.

Затем в нашей роте курсантов разделили по знанию, а точнее незнанию, иностранных языков. Кто в школе учил, но не знал английский, сводились в один взвод. Кто не знал немецкий, шли в другой. Кто в школе мучился с французским, продолжил это занятие в третьем взводе. Четвертый взвод сформировали из тех, кому не хватило места во втором и в третьем. Исключение составил только один курсант, который честно признался нам, что в школе он учил немецкий, в техникуме – французский, но не знает оба. Поэтому будет логично, если к списку языков, которыми он не владеет, добавится еще и третий – английский. При опросе он уверенно заявил, что изучал английский и встал в строй нашего взвода. Мы признали железную логику его рассуждений, и порадовались за себя, что в нашем взводе служат такие, нестандартно мыслящие, курсанты.

Конечно, можно было удивиться, что в училище нашего Округа, как иностранные, не изучались иранский, турецкий или арабский.

Если бы этот коварный вопрос, в то время, нам задал бы какой-нибудь иностранный корреспондент, и, по-совместительству, шпион ЦРУ, то я, как настоящий комсомолец, сразу бы ответил, что иранский язык похож на таджикский, турецкий – на узбекский, а на арабском языке написан священный Коран. И, значит, этими языками почти все курсанты владеют с детства, как вторым родным языком. И пусть это заявление и повергло бы в трепет наших врагов, но доказать обратное они бы не сумели. Ну, а если бы этот вопрос, мне посмели задать сегодня, то, не боясь раскрыть военную тайну, я бы ответил честно:

– Не знаю.

И вот только после всего этого, мы погрузились в неповторимо прекрасный мир формы и содержания.

Вы не обращали внимания, с каким превосходством настоящий военный смотрит на неорганизованных гражданских типов? А всё потому, что он всегда может поставить на место и профессора, и академика неожиданным вопросом. Пусть попробуют доложить без запинки, чем отличается тренчик от антабки? на какую высоту подрезаются полы шинели? Сколько иголок с нитками какого цвета должны быть у солдата в головном уборе? А доложить обязанности солдата перед построением и в строю? Слабо?

Как Вы уже поняли, что превзойти нашего солдата в воинской науке Вам не удастся никогда. Обещаю в дальнейшем не подчёркивать своего интеллектуального превосходства над Вами, чтобы у Вас не развился комплекс неполноценности. В конце концов, «солдат ребёнка не обидит».

При постижении первых уроков солдатского мастерства, явно выделились отличия в группах, из которых формируются курсанты училища. Первая, самая малочисленная, группа состояла из солдат и сержантов срочной службы. Придя из войск, они подавляли нас обаянием казарменной романтики и глубоким знанием нюансов и тонкостей армейской службы. Только они, опоздав на построение, могли, красиво и смело, подойти строевым шагом к старшине, и вызывающе гаркнуть:

– Товарищ старшина, разрешите встать в строй?

И услышать в ответ примирительно:

– Становитесь.

Солдаты срочной службы проходили доподготовку к экзаменам на сборах при училище и сдавали экзамены отдельно от всех. В ходе экзаменов они ставили в тупик преподавателей нетрадиционными, глубоко оригинальными, взглядами на общепринятые истины и законы физики, математики и правописания. Чтобы не быть обвинёнными в ретроградстве, экзаменаторы, зажмурившись, ставили им на экзамены проходные тройки, что гарантировало им поступление в училище.

Вторую группу формировали выпускники суворовских училищ. Это была элита. Хорошо подготовленные во всех отношениях, они выделялись своей сплочённостью и грамотностью. Сильное впечатление на нас производило впечатление, когда курсанты старших курсов, с суворовскими значками на груди, заметив в строю первокурсников курсанта – суворовца, подчеркнуто уважительно и заботливо приветствовали его рукопожатием. Но наше училище в таблице себе подобных, расценивалось, начальством суворовских училищ, почему-то, как непрестижное. Поэтому к нам попадали, в основном, суворовцы, чем-то неугодившие своим командирам, и отправленные ими к нам, как в ссылку. Но это не лишало их самоуважения, и уважения к ним, со стороны окружающих.

Из этих двух групп были, по традиции, назначены командиры отделений и заместители командиров взводов рот первого курса. Суворовцы всеми правдами и неправдами, пытались увильнуть от этой почетной обязанности и тяжелой ноши. Солдаты же с охотой надевали сержантские погоны и рьяно бросались командовать. Суворовцев наши командиры распределили по одному в каждое отделение, чтобы их разобщить и иметь резерв будущих сержантов.

Но самую большую группу представляли курсанты, поступившие после окончания десятых классов общеобразовательных школ. В столичном ташкентском гарнизоне было достаточно наследников офицерских династий, чтобы уком-

плектовать ими не один курсантский батальон. Поэтому, практически у всех курсантов нашей роты, родители жили и служили в Ташкенте или рядом с ним. И подавляющее большинство курсантов закачивали ташкентские школы.

Это спланивало нас по принципу землячества. Ведь за забором училища для нас, как говорится, «под каждым кустом нам был готов и стол, и дом». Это сильно снижало рвение к службе у наших иногородних сержантов. Потому что они не собирались все четыре года скрываться в стенах училища от друзей и знакомых своих подчинённых. Всё это привело к тому, что достаточно быстро коллективы наших взводов и рот, превратились в дружные и сплочённые курсантские подразделения.

Заместителем командира взвода, и командирами первого и второго отделений, были назначены курсанты, прибывшие из войск. Командиром третьего отделения был назначен Суворовец Гринчук.

Суворовец Филимонов, попавший в наше отделение, отвечая на наши расспросы, почему не он стал командиром отделения, расширил наш кругозор философской теорией о верховенстве курсантского звания над званием сержантским. Ведь для курсанта очередным воинским званием является воинское звание «лейтенант», а для младшего сержанта только воинское звание «сержант». Ну и кто из них главнее? И опять мы порадовались за себя, что в нашем отделении будет служить еще один философ.

Глава 3

Глоток воды

Жара. Земля, как камень. Новенькая лопата со звоном отскакивает от поверхности земли. Хотя какая это земля! Земля должна быть рыхлой и мягкой. А это какой-то асфальтобетон. Твердость грунта рождает тоскливый вопрос:

– И где я возьму столько земли, чтобы засыпать доставшиеся мне двадцать метров траншеи?»?

Траншею отрыли ещё весной, она протянулась от городской окраины Чирчика до самого учебного центра на несколько километров. Ширина небольшая, не более полуметра, а глубина около метра. Её отрыли весной, когда земля еще не превратилась в камень под жарким солнцем. Потом по дну траншеи проложили трубу, по которой в учебный центр пойдет газ для отопления казарм и приготовления пищи в столовой. Но газовики не дадут газ, пока траншею не заруют землёй. И руководством Учебного центра было принято вполне логическое решение поручить работу по засыпке траншеи курсантам первого курса, проходящих курс молодого бойца, подальше от посторонних глаз в учебном центре на полигоне. Ведь закапывать, не копать, верно?

Курсанты первого курса, это мы. Вчера нас привезли в учебный центр училища, чтобы подготовить к принятию Военной Присяги. Это версия официальная. А на самом де-

ле, чтобы дать нам время ещё раз проверить себя и убедиться в том, так ли уж мы хотим посвятить свою драгоценную жизнь суровой и неблагодарной военной службе. Поэтому здесь всё, в ласковых руках наших опытных и заботливых наставников, превращалось для нас в очередное испытание силы воли и физической выносливости.

Задачу по засыпке землёй траншеи мы восприняли спокойно. Да и норма по двадцать метров на каждого воспринималась как реально выполнимая. А грозные слова: «Кто не выполнит, – отчислим!» уже потеряли для нас свою новизну и воспринимались, как аллегория. Вообще на нас за последнее время так часто кричали, и нас так часто пугали, что нам стало совсем не страшно. Тем более, когда мы узнали, что наши отцы-командиры были временными, то есть назначены к нам только на время «карантина». Поэтому мы бояться их уже перестали, а уважать, еще не научились. Надо сказать, что в отрыве от дома взросление молодых ребят происходит очень быстро, а простые правила, по которым нам предстояло жить, усваивались ещё быстрее.

Итак, как сказал классик, «задачи поставлены, за работу, товарищи!» Получив свой участок для работы, я остался один на один с траншеей. В руках лопата, впереди работа, сверху солнце, вокруг жара.

Очень хочется пить.

Фляга у меня опустела подозрительно быстро, и жажда становится невыносимой.

Очень хочется пить.

Помощи мне ждать неоткуда, у каждого свой участок траншеи. Да с какой стати, мне должны помогать малознакомые ребята, с которыми нас только вчера свела служба?

Очень хочется пить.

Проблемы всегда проявляются в ходе их решения. Наша проблема оказалась в том, что за пол года, прошедших со времени рытья траншеи, вся вынутая из неё земля куда-то расползлась. И, теперь, чтобы засыпать траншею землёй, эту землю необходимо сначала где-то взять, то есть выкопать её в объеме такой же траншеи.

Очень хочется пить.

Правду говорят, что «глаза боятся, руки делают». Потихоньку траншея начинает засыпаться. Медленнее, чем хотелось бы, но всё-таки работа движется. Если бы не жажда.

Август, степь под Ташкентом. В тени больше 40 градусов, на солнце – соответственно. Жажда не дает думать, не даёт работать. У командиров на все вопросы ответ один: «Не можешь, – пиши рапорт!» Ну, уж нет. Я выдержу, не смотря ни на что. Не могу же я признаться, что сил нет даже для того, чтобы что-то там писать!

Очень хочется пить.

Тут рядом по дороге из-за пригорка показалась грузовой автомобиль с цистерной.

Мой недремлющий и пытливый ум не заставил себя ждать.

– Вот и вода!

Мелькнула мысль и, через мгновение, я уже бежал к машине, чтобы попросить воды у водителя. Но машина безостановочно пронеслась мимо. Обиду скрашивает надпись на бочке «огнеопасно». Под насмешливыми взглядами всего взвода возвращаюсь к месту работы. Весь взвод видел мою неудачную попытку, и если бы она удалась, то сразу бы присоединился бы ко мне. А теперь ребята не скрывают улыбок. И поделом, – не подставляйся.

Очень хочется пить.

Прохожу мимо курсанта из нашего отделения. Его участок рядом с моим. Он гораздо быстрее справляется с работой, хотя он из Бобруйска, это где-то в Белоруссии, ему, наверное, еще труднее, чем мне. Но он неожиданно предлагает мне свою флягу. Недоверчиво беру ее в руки, и чувствую, что воды в ней немного, но есть. Вспоминаю, что зовут его Александр, фамилия Бриченок. Делаю пол глотка и возвращаю флягу со словами «Спасибо, мне хватит».

В голове мелькает мысль, что нужно будет присмотреть за ним, а то ведь пропадет парень со своей добротой.

Пить после этого хочется ещё сильнее.

Продолжаю работать, чувствуя, как во мне закипает злость на самого себя. Да что я хуже других, что ли? Хотя, может быть, я слишком хорош для этой обстановки? Мысли от жары путаются в голове и думать больше не хочется. Тем более, что приличных мыслей в голове становится всё мень-

ше и меньше.

Очень хочется пить.

Вскоре злость сменяется отчаянием. А вдруг, действительно, отчислят? И все эти страдания напрасны?

Очень хочется пить.

Организм уже потерял способность потеть, и во рту не стало даже слюны, чтобы облизать потрескавшиеся губы.

Продолжаю работать, чувствуя, как неотвратимо приближается время окончания работ. Вижу, что у многих ребят дела идут лучше, чем у меня, Вот закончил Бриченок, Ничего удивительного, с его-то здоровьем! Здоровый парень. Потом на все четыре года к нему прилепится прозвище «Слон».

Заканчивает работу и Филимонов, ленинградский «кадет-философ». Вообще-то он – суворовец. Но слово «суворовец» для нас кажется слишком длинным, а «кадет» звучит и короче, и яснее.

Курсанты нашего взвода, закончившие работу, отдыхают, собравшись группами по два – три человека.

Очень хочется пить.

Ко всем неурядицам, свалившимся на меня в этот день, добавляется еще одно моральное потрясение. Курсанты Бриченок, Филимонов и Блинков подходят и молча начинают закидывать мою траншею, не обращая внимания, на слабые возражения с моей стороны. Странно. Может быть это последствия солнечного коллективного удара? Но работают ребята хорошо. Совместно мы быстро заканчиваем мой уча-

сток и, без перерыва переходим на следующий участок, над которым безнадежно бьется наш товарищ, курсант Торчилевский.

И ничего, что очень хочется пить.

Скажу честно, если бы я закончил работу раньше всех, то, наверное, спокойно сидел бы без сил и ждал вечера. Но сейчас я вместе со всеми молча помогаю товарищу, у которого работа продвинулась ещё хуже, чем у меня, и начинаю понимать, что всё это нормально.

Возможно, Мир не так уж и плох, раз ко мне так тянутся люди. Ведь от них не спрячешь мои внутренние Силу и Обаяние, даже если я, из скромности, прячу их в самой глубине своей Души.

И ничего, что очень хочется пить.

Вскоре, бесконечный день, наконец, закончился. Наша рота задачу не выполнила. Рота будет заканчивать её ещё два дня. Наконец траншея будет зарыта, по трубе пустят газ, и подробности этого дня забудутся. Но я навсегда запомнил свой первый урок, что я стал курсантом первого взвода, и этот взвод, при необходимости, поможет мне преодолеть все предстоящие трудности, просто потому, что я курсант первого взвода. И это обстоятельство мне начинало нравиться.

А еще, вечером на ужине я сел за один стол с Филимоном и Слоном, где мы вместе со смехом вспоминали, как я бегал за водой к бензовозу. И потом, все последующие четыре года, мы всегда садились за один стол. И уже тогда я понял,

что не знаю ребят лучше, чем они.

Всё правильно. Хорошим людям нужно держаться вместе.

А ещё я понял, что очень правильно сделал, поступив в военное училище.

Зачем Господь все испытанья шлет кому-то?

Не для того, чтобы заставить нас страдать,

А для того, чтоб в трудную минуту

Смогли друзей своих пересчитать.

В пиру всегда полны хмельные чаши,

Всем наливают, даже тем, кто пьян.

А нам дороже друг тот настоящий,

Кто в трудный час подаст воды стакан.

Давайте выпьем же, пока нам светит Солнце,

И мы собрались здесь, чтоб есть, и пить вино,

Чтоб в трудный час, уж если соберемся,

Из этих мест не пустовало ни одно!

Глава 4

Бьют барабаны, гремят барабаны...

Трам, та, та, там. Трам, та, та, там. Там, та, та, Трам, та, та, Трам, та, та, та, там, – заливаётся малый барабан.

Бум, бум, бум, – мерно вторит ему большой.

Малый барабан создаёт своими переливами мелодию, создаёт настрой, но главным остаётся Большой барабан. Его

рокот постоянен и неотвратим. С каждым ударом большого барабана на землю ставится левая нога. Лево́й, лево́й, лево́й!

Сколько бы нас не было в строю, десять, сто или тысяча, благодаря барабану, наши ноги одновременно ставятся на землю, и толпа превращается в строй, и мы ощущаем себя частью единого организма. Раз, два. Раз, два, Держи равнение, держи строй! Пусть вокруг рушится Мир, сейчас главное – удержать строй и выдержать равнение. Лево́й, лево́й, раз, два, раз, два. Всё ясно и просто, пока звучит большой барабан.

Мы курсанты первого курса. Во дворе 1976 год, и мы готовимся на строевом плацу училища к параду в честь очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы еще не понимаем, что с нами происходит, и что будет с нами потом. Мы еще не знаем, что ждёт нас впереди. Но мы знаем, что не уйдём с плаца, пока на нём бьют барабаны.

И под рокот Большого Барабана, откуда-то из глубины подсознания к нам всплывают, казалось бы, давно забытые воспоминания, о той далёкой поре, когда наши матери носили нас под сердцем, и мы постоянно слышали ровный стук их сердец.

Тогда ровный спокойный стук материнского сердца успокаивал, давал чувство безопасности и покоя. Но если там, в далёком и незнакомом внешнем мире, что-то заставляло мать нервничать, сердце матери начинало биться сильнее и

нас тоже охватывало чувство тревоги и готовности придти на помощь, обнять, спасти. Так было всегда, когда частота биения сердца возрастала до 120 ударов в минуту. Это навсегда вошло в нашу память.

Мы уже выросли, Мы уже большие, Мы уже встали в строй. Но, услышав ровные удары барабана в ритме 120 ударов в минуту, нас охватывает давно забытое чувство готовности обнять, спасти, придти на помощь.

Поэтому большой барабан мерно и глухо стучит, именно, в этом ритме. Что бы не случилось, – левой, левой. Раз, два, раз, два. Я не одинок, мы едины! Главное не отвлекаться! Главное не пропустить команду! Сейчас, сейчас мы все одновременно повернёмся налево, или направо, или кругом, Какая разница куда? Главное – одновременно, главное – «все, как один». Ведь мы едины, мы одно целое.

Прости Любимая, и ты, Мама прости. Я о Вас не забываю, и не забуду никогда, Но сейчас, когда бьёт барабан, я не могу думать не о чём другом. Ведь главное сейчас для меня – не пропустить команду. Главное сейчас – не подвести всех, не выпасть из строя, главное сейчас – левой, левой, Кругом марш! Раз, два раз, два. Бьёт барабан, и строй чеканит шаг.

И ни о чём постороннем, даже очень дорогом и близком, невозможно думать в эти минуты

Вот в бой барабанов вступают трубы, звучит военный оркестр. Он знает бесчисленное количество маршей. Но мы привычно различаем в любой мелодии главное – ритм боль-

шого барабана. А, значит – раз, два, раз, два. Левой, левой. Под оркестр! Красиво, четко, раз, два, раз, два. Мы уже не замечаем, что команда выполняется раньше, чем мы успели подумать, раньше, чем успели осознать. Значит, мы становимся настоящими солдатами, частицами единого военного организма.

Не важно, понял ты или не понял, что скомандовали. Не важно, что ты думаешь, о команде, о командире, об армии вообще, и, о сегодняшнем дне, в частности. Главное – команда уже выполнена, одновременно, в едином порыве, и ты выполнил её, как все. И ты знаешь, что каждый, стоящий в строю, выполнит её, чего бы это ни стоило. И не важно, где ты стоишь, на левом фланге, или на правом, во главе колонны, или в хвосте. Главное то, что мы все выполним её, одновременно и точно, потому, что мы – едины, и потому, что мы в строю и мы – солдаты.

И в нас незаметно постепенно вселяется уверенность, что главное, когда-нибудь, когда от нас потребуется выполнить команду, мы выполним её, не задумываясь. Не смотря ни на что. Потому, что это – Команда! И, потому, что мы солдаты! И, пусть мы будем не на плацу, а в окопе, или на изрытом воронками от снарядов поле, но услышав команду «В атаку, вперед!» Мы, как один, поднимемся и пойдём вперёд. Не оглядываясь по сторонам, и, не сомневаясь, что все идут рядом, все идут вперёд, потому, что «Я не одинок в этом мире, потому, что Мы едины, и потому, что в душе у нас звучат

барабаны и поют оркестры, и потому, что мы солдаты»!

И пусть это будет всего один раз, и пусть это будет даже в последний раз в нашей жизни, но Мы сделаем это!

Пока мы не знаем, что ждёт нас впереди. Но мы уже начинаем понимать, что когда мы станем командирами, и до тех пор, пока мы будем носить погоны, до тех пор, и пока мы будем в ответе за наших солдат, на наших плацах всегда будут бить барабаны. Потому, что под рокот барабана, под звуки команд, никто из подчинённых не сможет незаметно замкнуться в себе, уйти в свои мысли и думать о своём. Думать он сможет только об одном, как и когда выполнить мою команду и исполнить мой приказ. И это станет привычкой. Это войдёт в его кровь, войдёт в его мозг и станет его сущностью.

И под рокот барабанов наши подчинённые будут становиться солдатами, чтобы и в их сердцах однажды заиграла музыка военного оркестра, помогая пойти вперёд, выполняя долг и приказ.

И если нам всем вместе, или, каждому в отдельности, суждено будет «шагнуть в бессмертие», то пусть это произойдёт под удар большого барабана!

Военный Оркестр.

Если в бою обложили враги вкруговую,

В обескровленных ротах, солдат хоть по пальцам считай
Слушай приказ: «Всем идти на прорыв в штыковую,
Знамя – Вперед! И Военный Оркестр – играй!»

Припев.

Военный Оркестр, певец Ратной Славы
Надежный товарищ в походе, в бою.
Под звуки Оркестра, все те, кого мы потеряли,
Незримо и молча займут свое место в строю!

Много Столиц мы в боях и походах видали,
Помнит этот приказ Висла, Одер и помнит Дунай:
«В город входить, всем надеть Ордена и Медали,
Знамя – Вперед! И военный Оркестр – играй!»

Припев.

Весенние дни, на парадах гремят барабаны.
Раны болят, но Радость кипит через край.
Слушай Приказ: «Сомкните ряды, Ветераны,
Знамя – Вперед! И Военный Оркестр – играй!»

Припев.

Глава 5

Поющие бордюры

«Навались»! Бетонный бордюр неохотно лёг на приготовленное место. Сержант отрицательно покачал головой. Значит нужно поднять один край бордюра, чтобы он лег в одну линию, обозначив край дороги.

Дело знакомое. Два лома, действуя, как рычаг приподнимают край бордюра, под него летит лопата щебня, и бордюр занимает своё место. Преподаватель довольно кивает головой. Всё, можно идти за следующим бордюром.

Погода, как мы шутим, шепчет: «Займи, но выпей»! Эта присказка вошла в наш лексикон с лёгкой руки Штанникова. Он старше нас и, до поступления в училище, успел поработать на стройке. Из его рассказов мы узнаём много нового о «взрослой жизни».

Погода этой осенью не задалась. Уже в конце сентября пошли дожди, и похолодало. А тут приближается очередная годовщина Октябрьской революции. И, к привычной для нас, задаче по подготовке к параду, добавились работы по строительству музея училища и по благоустройству территории вокруг него.

Командование нашего училища решило к празднику закончить строительство здания музея училища и благоустроить территорию вокруг него. В условиях планового хозяйства, любая хозяйственная инициатива, упирается в незапланированный расход средств и в проблему рабочей силы. Но наличие в своём распоряжении четырёх курсантских батальонов, может решить многие, если не все, проблемы.

Грязь чавкает под ногами, холодный лом рвётся из рук, но идти нужно ровно, неся на руках нежно и аккуратно, как ребёнка, бетонный бордюр, который должен стать украшением училища и нашим вкладом в достойную встречу годовщины Октябрьской, социалистической революции. Об этом не хочется думать, но если разжать руки, то бордюр упадёт на ноги товарищам, и переломов не избежать. Поэтому мы аккуратно переносим его через грязь и, с облегчением опускаем на дорогу. Дальше будет легче, потому, что по дороге бордюр будем кантовать. Как сказал Штанников (в миру – «Старик») «Круглое носим, квадратное катаем»...

Для нас, курсантов первого курса, всё воспринималось нормальным. И то, что вместо плановых занятий, все курсанты училища работали, как подсобные рабочие на земляных и строительных работах. И то, что преподаватели училища вместо того, чтобы учить нас «военному делу настоящим образом», работают в качестве бригадиров дорожно-строительных бригад.

Всё что нам говорят командиры, мы воспринимаем бук-

важно, ну что ж, надо, так надо! И вот, несмотря на дождь и ветер, ложатся бордюры, укладывается бетон, строятся дорожки,

Но коллективная работа рождает и коллективный разум. А этот разум рождает свежие мысли типа: «работа никогда не кончится, работа не волк...» и другие не менее крамольные.

Мы, впервые столкнувшись, с «внеэкономическим принуждением к труду» получаем для себя первые уроки по устройству нашей экономики и жизни, которые потом очень пригодятся нам в дальней службе. Тогда мы уже сами будем ставить задачи на внеплановые работы своим подчинённым: «Круглое носим, квадратное катаем!»

К удивлению, у многих людей, получившим самую маленькую власть над себе подобными, рождается иллюзия, что их власть, данная им, пусть и временно, их незначительной должностью, продолжается бесконечно во времени и в пространстве. Они искренне не понимают, что для того, чтобы люди работали, им нужен стимул. (Стимулом древние римляне называли острый кол, которым погоняли быков во время вспашки, но я имею в виду «стимул» в хорошем смысле слова).

Стимул может быть положительным и отрицательным. При положительном стимуле (Чем больше сделаешь, тем больше получишь) в выигрыше оказываются сильные работники. На слабых работников он не действует, ибо слабый

сразу для себя решает, что больше он, всё равно не сделает и, значит, не стоит и стараться. Поэтому для слабых наиболее действенным оказывается отрицательный стимул (Если не сделаешь, то...)

Феодальная власть, феодальная психология...

Но чаще всего, власти, данной должностью, не хватает ни для того чтобы поощрить сильных, ни чтобы запугать слабых. И мастерство руководителя заключалось именно в умении заинтересовать исполнителей, найти с ними общий язык, не нанося ущерба общему делу, своему авторитету и статьям Уголовного Кодекса.

Осознание этих истин приходит именно в ходе таких работ, лично для нас ненужных и утомительных. И тогда «на пыльных тропинках» возникают спортивные городки, учебные центры и казармы. И ни один из руководителей старшего звена не спросит: «Откуда дровишки?» Таковы правила игры. Но кто бы нам сказал об этом раньше? Ведь сколько ошибок можно было бы избежать! Кто бы мне раньше объяснил, «что когда всё дают, то, и дурак делает», А хороший командир именно тот, кто «найдет» (украдёт и не попадётся), достанет, заработает и сделает. И честь командира заключается в том, чтобы всё пошло на пользу дела, а не в свой карман. Но это будет потом.

А сегодня нами руководит опытный преподаватель, который понимает нас и быстро находящийся с нами общий язык. В начале работ он сразу ставит нам конкретную задачу по

укладке за день десяти бордюров, что немало, но и не много. Молчаливо подразумевается, что после окончания работ мы сможем отдохнуть и, по возможности, отправимся в казарму. Поэтому мы работаем быстро и дружно.

На прошлой неделе, вместо нашего бригадира с нами работал молодой преподаватель, недавно прибывший в училище из академии. Увидев, как мы быстро выполнили свою норму, он решил, что за оставшееся время мы успеем выполнить еще столько же, о чём он опрометчиво сообщил нам, не дожидаясь укладки последнего бордюра. Возможно, он уже представил, как будет докладывать о перевыполнении плана своему Начальству, удивлённому его организаторскими способностями.

И тут нас словно подменили. Бордюры для нас, вдруг, стали тяжеленными, и, не смотря на все наши усилия, никак не ложились ровно. В результате мы ушли с объекта последними, с трудом выполнив ежедневную норму. Тут он допустил еще одну ошибку, на этот раз, непоправимую: он пожаловался на нас командиру роты. Да, в результате мы имели неприятный разговор с командиром роты, Но в последующем, мы стали заканчивать работу гораздо позже всех, а наш бригадир уходил домой поздно вечером, когда его более опытные, и, менее амбициозные, коллеги уже ужинали дома в кругу семьи.

Училище оно одно на всех, и учиться никогда не поздно, даже преподавателям после Академии...

Но сегодня мы снова работаем с нашим старым знакомым, поэтому работа спорится, и мы знаем, что домой в казарму мы попадём вовремя. Поэтому балагур Тришин (в миру – «Сеня») затевает шуточный репортаж с участниками вокально-инструментальной группы «Поющие Бордюры», якобы прибывшей с гастролями в Ташкент. Кажется, Сеня любую тему может развивать бесконечно. Но сегодня он, особенно, в ударе, и репортаж получается смешным и злободневным. Даже наш бригадир, преподаватель кафедры Тактики, не может сдерживать улыбки. А когда мы строем идём в казарму, строевой шаг звучит особенно задорно.

Потому, что мы – курсанты. А **КУРСАНТ** это – Колоссальная, Универсальная Рабочая Сила, Абсолютно Нежелающая Трудиться!

Глава 6

Принцип Домино

Два полностью снаряженных магазина. Автомат на ремень. Штык-нож непривычно примкнут к автомату. Наконец-то, остались позади бесконечные инструктажи и занятия. Наконец-то, прозвучали заветные слова «Пост принял!» И вот я остаюсь один на посту по охране склада с боеприпасами и стрелкового тира.

Повезло. Сначала повезло, что взвод заступил не в наряд по столовой, как всегда, а в караул. Второй раз повезло, что

караул не гарнизонный, при гауптвахте, где того и гляди, сам останешься там же после смены, но уже в другом качестве, в качестве арестанта. Нет, гарнизонные караулы не любит никто, даже старшекурсники. Чего уж тут говорить про нас, курсантов-первокурсников.

Нет, сегодня караул внутренний, в училище, где, как известно, и стены помогают. И, самое главное, что я попал не на первый пост у Боевого Знамени Училища, на котором стоишь, как пень на глазах у дежурного по училищу, и боишься шевельнуться. Нет, сейчас я заступил на настоящий пост, за забором училища, а это уже – почти увольнение.

На вышке я настоюсь завтра днём, а сейчас у меня редкая возможность побродить наедине с собой, со своими мыслями, пусть и в пределах поста, зато без строя и без команд.

Мимо проходят гражданские люди, и, я уверен, любят ладным и смелым Защитником Отечества.

Мимо один раз прошли даже две девушки, Но их внимание я не привлек, ибо эти хохотушки безошибочно угадали во мне первокурсника. Не помогли ни строгий взгляд, ни расправленные плечи. И как им только удаётся вычислять с первого взгляда, сколько нам остаётся до выпуска? Неразрешимая загадка женской души...

Обошел пост. Начинают лезть в голову мысли о том, что неплохо бы отразить какое—нибудь нападение, задержать какого-нибудь преступника. И вот уже, я, в своих мечтах, благородно отказываюсь от ордена, и скромно наме-

каю начальнику училища, что за мой беспримерный подвиг по задержанию опаснейшего преступника, мне достаточно небольшого отпуска, или, хотя бы увольнения домой до утра.

И этот самый момент, когда я, двигаясь вдоль забора парка боевых машин, заворачиваю за угол, Судьба наносит мне неожиданный и коварный удар. Получив его, я пропал. Я пропал и упал в своих глазах «ниже некуда».

За поворотам меня ожидала следующая картина: возле забора стоит шикарный «Жигулёнок» (на дворе 1977 год). Хозяин стоит возле забора и принимает от солдата, сидящего на заборе, канистру, видимо, с бензином.

Вот она Удача! Всё в твоих руках, даже верный «Калашников». Хватай и тащи «проклятых расхитителей социалистической собственности». Конечно не орден, но увольнение само идёт тебе в руки.

Картина – последний акт «Ревизора». Все замерли.

Оцениваю обстановку, внимательно осматриваюсь, нет ли еще «соучастников преступления века». И тут мой взгляд встречается с глазами девушки, сидящей в машине на сидении, рядом с водительским. Ах, какие это были глаза! О чём она думала, я не знаю. Но, видя её взгляд, я забыл обо всём. Обо всём, чему меня учили и инструктировали. Да это было и неважно. Всё вокруг потеряло значение.

Сердце моё выскочило из груди и, упав на землю, расколосось на мелкие кусочки. Сделав шаг, я явственно услышал, как хрустят под ботинками его осколки. На меня смотрели

Огромные девичьи глаза и ждали, что я сделаю.

И я сделал Я подошел к водителю, и, глядя в его забежавшие глазки, процедил сквозь зубы: «Через пять минут я вернусь, и чтоб духу твоего здесь не было». После этого я развернулся и пошел обратно, боясь снова встретиться с ЕЁ глазами. Боковым взглядом я видел ошарашенные глаза бойца, сидевшего на заборе, но это уже не имело никакого значения для человека, с разбитым сердцем.

Обойдя пост, я, с облегчением, увидел, что никого на месте преступления уже нет. Но, пройдя дальше, я увидел водителя машины. Оставив машину за границей поста, он, явно поджидал меня. Я подошел к нему Он сделал попытку дать мне деньги. Но что-то, в моём взгляде, остановило его. «Командир, (какой я, к чёрту командир!) Давай, я привезу тебе бутылку, ты только скажи». Рядом уже не было колдуньи с огромными глазами, и ситуация стала смотреться в другом ракурсе. Получить возможность угостить друзей дармовой выпивкой, показалась мне заманчивой. Я согласился, но предупредил, что у меня скоро смена, так что пусть бутылку он отдаст моему сменщику. С, непонятным мне, облегчением водитель сел в машину и уехал. Больше я его не видел. А эта история получила следующее продолжение.

Пришла смена. При обходе поста я предупредил своего сменщика, Гнездилова Александра, о том, что сейчас нам должны привести бутылку. Наслаждаясь его удивлением, я небрежно сказал, что бутылка общая, то есть «на всех».

У нас было заведено, что первый пост после смены заступал на пост по охране в караульном помещении. Позже мы шутили, что караульные первого поста могут спать целые сутки; два часа стоя (на посту), два часа сидя (при охране оружия), и два часа лёжа (в составе отдыхающей смены).

Соответственно, на долю двух других постов доставался пост у входа в караульное помещение, где, придя с основного поста, мы, поочерёдно, несли службу ещё по одному часу. Через два часа Гнездилов сообщил, что бутылку он спрятал в условном месте, но её он не открывал, хотя и передал её «по смене».

Когда я, через два часа заступил на пост, то в условленном месте, меня ждал неприятный сюрприз.

Говоря о бутылке, я, вообще-то, думал о бутылке водки. Но, мой «подельник» привёз бутылку портвейна. Надо сказать, что портвейн, в списке спиртных напитков в нашей курсантской среде не котировался. Пить его считалось недостойным высокого звания курсанта-ленинца. Другое дело – Водка, коньяк или, в крайнем случае, шампанское. В моей душе кипело благородное негодование:

– Как, этот мошенник вздумал откупиться от меня бутылкой дешевого портвейна! Чтобы загасить огонь незаслуженного оскорбления, я, дрожащими руками открыл бутылку и сделал несколько глубоких глотков. Ведь именно так, если Вы заметили, поступают все положительные герои в минуты сильных душевных волнений. Надо понимать, что именно

так они сохраняют спокойствие и холодный рассудок в трудную минуту. Мой план угостить ребят разбился вдребезги. Конечно же, они не станут портить себе аппетит и иммедж дешевым портвейном.

Поэтому, действуя по принципу «чтоб добро не пропадало», я выпил пол бутылки вина и закусил хлебом, предусмотрительно принесённым мною из караульного помещения.

Казалось, что и природа разделяла мое возмущение.

Деревья и забор закачались из стороны в сторону, словно соглашаясь со мною, кивали своими головами.

Прогуливаясь по посту, Я от расстройтва еле стоял на ногах. Что значит сильная натура! Только очень сильные натуры, способны на такие сильные чувства и переживания! Я еле дождался смены.

Когда я добрался до караульного помещения, от переживаний, мне стало совсем плохо. Еще хуже стало начальнику караула младшему сержанту Гринчуку, когда он меня увидел. Такого, от отличника Бурнашева, никто не ожидал. Чтобы напиться в карауле на посту па первом курсе, как сказал, правда, по другому поводу, товарищ Сталин: «Нужно быть очень смелым человеком»...

Но сильным натурам свойственны сильные переживания. Я чувствовал, что мне нужно побыть одному со своими мыслями. По моей просьбе, мне доверили пост у входа в караульное помещение, где я благополучно проветривался еще два часа. После долгих размышлений, я решил простить этого

негодая, и забыть о нанесенном мне незаслуженном оскорблении. Признаюсь, что это мне далось нелегко. От возмущения у меня заплетался во рту язык, и путались мысли в голове. Меня даже шатало из стороны в сторону. Наверное, у меня поднялось давление, и меня вырвало, извините за эту подробность, в дальнем углу караульного городка. После этого я, усилием воли взял себя в руки, и в тихой задумчивости проходил до утра.

Но зато целые сутки у меня во рту стоял отвратительный вкус портвейна с хлебом. Надо ли говорить, что целые сутки я ни ел, ни пил и только ждал, когда же закончится этот кошмар. Ведь мой скромный опыт употребления спиртного до этого, не шел дальше глотка вина в подъезде или за праздничным столом, поэтому, я был твёрдо уверен, что причиной всему происходящему со мной, является моя ранимая душа, ещё не очерстневшая настолько, чтобы спокойно сносить оскорбления от всяких проходимцев.

Короче, так плохо мне не было никогда. Это отвлекло меня от мысли, что если бы об этом происшествии стало известно командованию, у многих жизнь была бы, несомненно, сломана. Такие происшествия в те времена не прощались. Как бы то ни было, «Всё пройдет», прошло и это.

Видя, как я молча страдаю, друзья прикрыли меня.

Недопитая бутылка портвейна нашла свой бесславный конец на дне реки Салар.

Но Удача, видно не обиделась на меня, за неиспользован-

ный мною шанс отличиться, и не оставила меня до конца дня, подарив мне на память об этом дне, лишь на всю жизнь незабываемо противный привкус портвейна с хлебом.

И я на всю жизнь запомнил суровый урок, что все наши беды происходят от женщин! Вот к чему может привести всего одна неожиданная встреча с Глазастой Колдуньей!

(Через шесть лет)

Стук в окно повторился. Затем послышался приглушённый голос; «Водку давай!» Сквозь полудрёму вижу, как жена у окна что-то возмущённо объясняет невидимому собеседнику. Исчерпав все аргументы, подходит ко мне и говорит; «Иди, выйди во двор, там какой-то солдат пришёл за водкой». Ситуация проясняется. На дворе начало восьмидесятых, и в каждом доме, на окраине небольшого украинского городка, имеется запас самогона «для личного потребления». Но при случае, некоторые им и не стеснялись приторговывать. Поэтому солдаты из соседней учебной воинской части иногда наведывались на близлежащие улицы в поисках недорогой выпивки. Но за пару месяцев, что я снимал комнату у «бабы Тони», как все звали мою хозяйку, все уже уяснили, что в этом доме квартирует офицер, и солдаты благоразумно обходили наш дом стороной. Наверное, принесло какого-то залетного «экстремала».

В полусонном состоянии иду во входной двери и, открыв

её, сталкиваюсь лицом к лицу с солдатом из моего учебного взвода. Искреннее удивление в глазах солдата сменяется откровенным ужасом. Взглянув в его глаза, я увидел бездну, в которой, где-то глубоко-глубоко, наверное, на уровне пяток, проглядывает его Душа. Ситуация проясняется еще больше. Сегодня мой взвод стоит в наряде по столовой, и мои сержанты, скорее всего, отправили за водкой самого молодого и самого бестолкового солдата. Будь солдат посообразительней, он бы мог быстро что-нибудь придумать, вплоть до того, что меня вызывают на службу, а он не самовольщик, а посыльный. Но скованный ужасом мозг не давал ему никаких советов, как выпутываться из безнадёжной ситуации.

На мой вопрос; «Чего надо?» солдат только беззвучно открывает рот и ждёт расправы. Непонятно было только, какую расправу он боится больше, ту, что последует сейчас, или ту, которая ожидает его по возвращению в столовую с пустыми руками. Решение приходит сразу:

– Иди в столовую, скажи замкомвзводу, что я сейчас приду.

Солдат молча исчезает в ночи.

– Пойдешь на работу? полуутвердительно спрашивает жена. Зная, как я отношусь к дисциплине во взводе, она не сомневается в моём утвердительном ответе.

– Нет, завтра разберусь.

Не отвечая на ее немой вопрос, укладываюсь спать.

Сквозь сон успеваю подумать, что сержанты взвода, зная

меня, всерьёз будут ждать меня всю ночь, и не тронут солдата.

– Товарищ старший лейтенант, представляете, ночью рядовой NN ходил в самоволку!

На лице сержанта написано такое искреннее удивление и возмущение, что захотелось прижать его к сердцу и успокаивающе погладить по голове.

– Кто посылал?

– Да он сам... Жестом обрываю поток неубедительного красноречия.

– Ты нашел, кого посылать, он же даже соврать не может. И не дай бог, его кто—нибудь обидит. Тогда вернёмся к этому разговору снова. Ты меня понял?

В глазах сержанта мелькает облегчение. Разговор на «ты» говорит о том, что беседа имеет неофициальный характер, и что грозы сегодня не будет.

– Всё понял, товарищ старший лейтенант!

Сержант радостно козыряет и убегает в столовую к своим подчинённым.

При докладе командиру батальона понимаю, что о произошедшем никто из посторонних не знает. Это хорошо, со своими я сам разберусь, а сообщать «наверх» о происшествии и вешать сам на себя взыскание, я не собираюсь.

Всё хорошо. Я наслаждаюсь осознанием своей доброты и снисходительности. Портит настроение только привкус во рту. Противный привкус портвейна с хлебом.

(Через десять лет)

– Товарищ майор, у нас ЧП! К курсантам в кухонном наряде приходили девчата (старшина употребил более короткое выражение) и они напились, как свиньи! Разрешите отправить их на гауптвахту?

Два молодых солдата безысходно вытянулись передо мною, глядя мне в глаза мутными и грустными глазами. Первоначальное расследование и воспитательную работу, судя по всему, старшина с ними, уже провел. Отсюда и вселенская грусть в их глазах. Пытаясь что-то сказать, один из них, дынул на меня перегаром. И я явственно ощутил во рту незабываемый вкус портвейна с хлебом. Чтобы слово «курсант», не сбивало с толку, объясню, что курсантами называли и солдат учебных подразделений, проходивших обучение в учебных частях. В моей учебной роте, им скоро предстояло стать механиками – водителями боевой машины пехоты (БМП).

Решение пришло сразу. Отметая все возможные возражения старшины, приказываю:

– Отправьте их в казарму, а, когда проснутся, накажите своей властью.

Гауптвахты не будет. Диалог закончен.

Старшина уводит курсантов в казарму. Соглашаясь в душе, что гауптвахта ударит больше по престижу роты, чем по нежным душам курсантов, он всё равно, позволяет себе бур-

чать:

– И чего вы жалеете этих алкоголиков?

– Да, ладно, старшина, я сам такой.

– Ну, уж Вы скажете...

Старшина, матёрый хохол, не понимает, как можно называть алкоголиком человека, ничего не понимающего в бутете настоящего самогона и избегающего даже «казёнки». Примириться с этим моим недостатком помогает только то, что я «басурманин», то есть глубоко несчастный человек у которого, в принципе, могут быть три тёщи и не может быть ни одного законного похмелья.

Да, ничего не меняется в этом Мире! Эх, старшина, ты опять ничего не понял! Я-то сразу почувствовал, что без девчат здесь не обошлось. По-прежнему, все беды у нас от Женщин! Надеюсь, что это теперь, станет понятно и этим двум бедолагам. И, в дальнейшем, это убережёт их в жизни от более тяжёлых ошибок.

Вот и хорошо. Душу приятно ласкает осознание своей житейской мудрости. Портит настроение только привкус во рту. Привкус портвейна с хлебом.

Глава 7

Взвейтесь, соколы, орлами!

«Ровняйсь! Смирно!» Команда звучно проносится над плацем. Училище замерло. «Для прохождения с песней»!

С окаменевшими лицами командир роты и командиры взводов выходят перед ротой и поворачиваются налево. «Поротно. Дистанция пятьдесят метров. Первая рота прямо, остальные – Напра-Во!» Остальные это – мы.

Мы и наши офицеры стараемся не глядеть друг другу в глаза. Впереди долгая минута позора, которая уже сейчас начинает рвать нам сердце.

Традиционно на плацу, независимо от номеров, батальоны стоят в соответствии с курсом. Поэтому первыми идут выпускники. Ах, как они поют! Это что-то особенное! Как поют курсанты, не может петь никто. Когда мы слышим, как они поют, мы еще сильнее чувствуем свою ущербность. Затем идут роты третьего курса, постоянные соперники, на плацу и жизни. Это и понятно, не дожидаясь выпуска, они уже сейчас хотят доказать, что они – лучшие! Естественно, что соревноваться с младшими курсами они считают ниже своего достоинства. Но всё-таки с выпускниками борьба идёт с переменным успехом. Командование эту борьбу поощряет, отдавая победу поочерёдно, то одному, то другому батальону. Поэтому каждый развод на занятиях по понедельникам превращается в неофициальный смотр песни и строя.

После прохождения с песней роты сразу убывают на занятия, поэтому наш позор будет видеть только командование училища и солдаты подразделений обеспечения учебного процесса. Но разве от этого легче?

Старательно отбиваем шаг, громко выкрикиваем слова

песни, но чувствуем, что опять провалились.

«Турчинский! Когда научите петь роту?»

Вопрос риторический, и ответа не требует. Ответ читается в потемневших глазах командиров. После нас проходит пятая рота. Ревниво вслушиваемся и слышим, что они тоже спели не хуже, но и не лучше нас. Слабое утешение.

После прохождения, командир, безнадежно махнув рукой, отправляет роту на занятия, а офицеры невесело направляются в кабинет командира батальона. Им предстоит нелицеприятный разговор с командиром батальона. Мы это понимаем, и это окончательно портит настроение на ближайшую неделю.

Постороннему человеку трудно представить, какое значение приобретает песня, если она даёт оценку роте.

На разводе традиционно каждая рота поет «свою» песню. Помнится как-то, от отчаяния, мы запели песню старшекурсников. Но рота с позором была возвращена на исходное положение и снова, сгорая от стыда, спела свою провальную песню.

Кто не слышал песни в исполнении роты курсантов, тот ничего не понимает в строевых песнях.

Навсегда мне запомнился тот день, когда мы, «кандидаты на поступление в училище», проходили медицинскую комиссию. Мы стояли возле медицинского пункта, ожидая своей очереди, когда мимо прошла курсантская рота.

Рота пела песню «День победы». Но как она её пела! Ро-

та шла походным шагом, курсанты шли, наверно красуясь перед нами, нарочито небрежно, почти в развалку. Но какая уверенность в себе, какая неприкрытая мощь чувствовалась в этом строю! А как они пели! Казалось, что песня живёт сама по себе. Нельзя было выделить ни один голос. Голоса сплетались в симфонию то, усиливаясь, то ускоряясь. В общей мелодии слышались переливы, они так гармонично и вовремя дополняли друг друга. Это звучал мужской хор, слаженный и прекрасный. И даже не слова песни завораживали, а то непередаваемое чувство единства и силы, которое, произвольно возникало в душе под звуки музыки этих голосов.

Лично я был сражён. В душе рождалась уверенность, что ради того, чтобы так петь в строю, можно перетерпеть любые трудности.

Наша проблема была в том, чтобы найти «свою» песню. Хорошие песни давно и надёжно были закреплены за старшими курсами. Песни выпускников сразу «захватывали» второкурсники,

И нам оставалось пытаться найти «жемчужное зерно», или ждать, когда освободится хорошая песня.

Постороннему человеку трудно понять суть проблемы. Казалось бы, какая проблема найти строевую песню? Они сотнями распеваются по радио, звучат с экранов телевизоров, песенные сборники в библиотеках занимают целые полки. Казалось бы, бери любую и пой!

Но в том то и беда, что песня должна быть не только строевой, не только походной, главное, чтобы она была душевной! А вот именно души в этих песнях и нет. «Не плачь, девчонка» и «Идет солдат по городу» могут петь только деревянные солдаты Урфина Джуса. Эти песни сочиняют люди, никогда не служившие в армии, и не видящие в солдате человека и его простую человеческую душу. Душу, которой тесно в строю, и которая требует выхода в песне. Послушайте, что поют солдаты, когда им не навязывается официоз? Они поют песни лирические, казалось бы, совсем не строевые, но в которых поёт душа. Знаете, как преобразается в строю песни «Малиновка» или «Светит незнакомая звезда»? Но чтобы петь эти песни, сначала солдат нужно научить петь и любить песни. Поэтому, наверное, так плохо поют солдаты в нашей армии. По крайней мере, в основной своей массе. А может быть еще и потому, что и наши офицеры не умеют петь в строю? Ведь так мало их закончило Ташкентское ВОКУ!

Весь первый курс, мы меняли песни, переделывали тексты, но еженедельный позор продолжался каждый понедельник.

«В столовую под барабан, обратно с песней»! Так было заведено и так было.

Но главным моментом была, конечно же, вечерняя прогулка. Перед отбоем роты, с интервалом достаточным, чтобы не мешать, друг другу, с песнями обходили училище по привычному для нас маршруту. Дежурный по училищу, нахо-

дясь в центре училища, мог слышать, как поют роты на прогулке. Но он не мог слышать, **что они поют**. И здесь проявлялись характеры каждой роты. Потому, что каждая рота приобретала свою индивидуальность и свой характер.

Вот идёт рота третьего курса. Вблизи становятся, наконец, разборчивыми слова песни: «Двадцать две зимы, двадцать две весны... ты в кино с другими не ходи... Мне кошмарные ночью снятся сны... Письма нежные на-фиг мне нужны я их выучил наизусть. Двадцать две зимы, двадцать две весны, отслужу, как надо и вернусь»!

На прогулке наша рота любила петь песню о Щёрсе. Каждый взвод по очереди затягивал куплет, а, затем, вся рота после протяжного «ЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭХ» подпевала припев. И вот однажды по примеру старшекурсников, один из взводов, без всякого вступления, дождавшись своей очереди петь куплет, не меняя ритма и мотива песни, запел про «Остров невезения». Рота встрепенулась, почувствовав подвох, а потом, после дружного и протяжного «ЭЭЭХ»! подхватила припев. Никогда еще наша рота так не переживала по факту отсутствия на данном острове календаря! Старшина вздрогнув, махнул рукой, и рота допела всю песню до конца. Потом эта хулиганская песня не раз распевалась нами в строю, и ни разу никто из наших командиров не заметил подмены слов.

Всё плохое должно было когда-нибудь закончиться. Закончился и наш позор. Закончили обучение и уехали в войска наши выпускники. Нам по наследству достанется песня

«Взвейтесь, соколы, орлами! Полно горе горевать!»

Странные и непонятные слова (какое ещё там горе?) не могли затмить ту силу души, ту страсть и призыв, звучащие в ней. Мы, всей душой, полюбили эту песню. Мы тогда не знали, да и не могли знать, что эта песня родилась в те годы, когда Россия, преданная вчерашними союзниками и, растоптанная вечными врагами, зализывала раны Крымской войны и готовилась к завоеванию Туркестана. «Взвейтесь, соколы, орлами! Полно горе горевать!» Впереди Хивинский и Кушкинский походы, впереди славные победы! Завоевание и присоединение целого Туркестанского края, когда Хивинский и Кокандский ханы с Эмиром Бухарским склоняются перед Белым Царем, сломленные силой Русского оружия. «Взвейтесь, соколы, орлами! Полно горе горевать!» Впереди ещё будут победы и славные дела. Мы не знали, что эту песню пели в Белой гвардии, пели казаки в годы Великой Отечественной, причём по обе стороны фронта. Но Мы знали, что это – наша песня, мы чувствовали ширину ее души и с ней мы становились лучше и сильнее.

После первого отпуска, мы снова привыкаем к строю.

Ещё не все рассказано, ещё не всем поделились с друзьями. Как провели первый отпуск, как куролесили, и как отдыхали. А впереди снова ждут занятия и снова учёба.

И снова «в столовую под барабан, обратно с песней!» Выходим из столовой строиться для движения в расположение роты и, вдруг видим, что возле столовой ждёт своей очереди

обедать рота первого курса. По всему видно, что они только прибыли с учебного центра, где проводился «курс молодого бойца», и впереди у них подготовка к присяге и весь первый курс.

И тут нас понесло. Никогда еще привычной команды старшины: «Рота с песней, шагом марш!» мы не ждали с таким нетерпением и не выполнили с такой радостью.

И мы запели, Ах, как мы запели! Никогда ещё до этого момента, мы не пели так красиво и слаженно. «Взвейтесь, соколы, орлами! Полно горе горевать!» Это – наша песня! Слушайте и завидуйте! Мы движемся не строевым шагом, а походным, Не более ста шагов минуту. Чтобы не сбиться с ноги нужно почувствовать ритм песни, раствориться в ней. Нужно чтобы твой голос вошел в общий звук песни. Сейчас неважно, есть у тебя голос, или нет. Сейчас важно, чтобы общая песня звучала и пела душой роты.

Песня удалась, По изумлённым и восхищенным взглядам мы понимали это. Первый курс безоговорочно и завистливо признавал наше превосходство, и мы это чувствовали в каждом взоре в каждом затаённом дыхании.

Ошалевший старшина удивлённо крикнул, но, сделав вид, что не видит ничего необычного, вальяжно пошел рядом со строем.

Командир роты, встречает роту у входа в казарму, широкой улыбкой.

Все, Позора на разводе больше не будет. Не будет никогда!

Потому, что для хорошего исполнения песни душа должна звучать не только в песне, она должна проснуться в роте. Рота должна обрести свою душу и перестать быть просто сотней курсантов. Ибо, с обретением души, рождается настоящая рота. И мы это почувствовали в тот момент, когда пели нашу песню. Мы повзрослели и преодолели ещё один рубеж нашего становления. И, значит, «Взвейтесь, соколы, орлами!»

Кстати

Через много лет, когда уже не будет училища имени Ленина, когда уже не будет такой страны, как СССР, произойдёт такой случай. Одну роту моего батальона, в полном составе, передали в другую часть. Как и зачем, это было сделано, расскажу позже. Сейчас о другом. Мы готовили роту к командировку в горячую точку, поэтому мне разрешили укомплектовать всю роту солдатами одного периода и, призванных на службу из одной области. И с первых дней, роты в батальоне учились петь песни в строю. И, надо сказать, пели они очень даже неплохо, особенно на фоне подразделений других частей. Эту роту в новой части «окрестили» поющей. И произошёл, однажды, такой случай.

Днём, когда рота находилась на занятиях, в расположении роты появились два «дембеля» решившие подобрать себе «на дембель» пару тёплых курток из числа тех, что висе-

ли на вешалке в расположении роты. Не обращая внимания на молодого солдата – дневального по роте, сиротливо стоящего возле тумбочки, они, по-хозяйски, выбрали себе по куртке, и, на прощание, предупредили дневального, что «он их не видел». На что тот спокойно ответил, что ему «по-фигу», но когда рота придет на обед, они весь полк перевернут, всех дембелей на уши поставят, но куртки вернут. И что-то в его голосе прозвучало так непривычно, для их дембельских ушей, что, со злостью бросив куртки на пол, «деды» ушли со словами, что с этими сумасшедшими, лучше не связываться, а куртки они себе возьмут в другой роте.

Браво, солдат! Что тут можно сказать? Разве только; «Взвейтесь соколы, Орлами!»

Глава 8

Рассказ о Ташкенте

Наше училище неотделимо от моего родного города. Города – они живые. Они рождаются, растут, меняют имена, переезжают, а могут и умереть.

Историю жизни города, как и историю жизни человека лучше изучать не по документам, а по его рассказам. С историй моего города я начал знакомиться, слушая рассказы моего отца. Читая книги об истории, я стал пересказывать их содержание в рассказах для моего сына. Затем я заметил, что факты, о которых идет речь, являются малознакомыми,

даже для моих земляков. Поэтому я взял на себя смелость включить их в своё повествование. Если они покажутся Вам неинтересными, просто пропустите несколько страниц.

1. Зарождение города, который я люблю

Солнце клонилось к закату. С приближением вечера, движение по мосту через арык Анхор становилось все менее оживлённым. Редкий прохожий переходит из старого города в «новый». Арык Анхор стал границей между старым восточным городом и городом новым, европейским, строительство которого развернулось на левом берегу канала.

Каждое утро с рассветом, на левом берегу на мосту занимал свой пост городской, с шашкой и пистолетом на поясе. Кроме номерной бляхи, на его груди мерцала медаль «за взятие Ташкента», которой он, судя по всему, очень гордился.

На противоположной стороне моста, каждое утро неизменно занимал свой пост городской сарбаз в красном халате с саблей на боку.

Целый день они демонстративно делали вид, что не замечают друг друга.

На правом берегу в старом городе действовали законы Шариата. На левом «Уложения об уголовных наказаниях Российской империи». На мосту у злоумышленника, застигнутого на месте преступления, была редкая возможность выбрать себе наказание. Так, воришке-карманнику, был дан

выбор, вручить себя воле Аллаха, или на милость русского императора. Здесь было о чём задуматься. Ведь после сделанного выбора, воришку волокли в старый город, где на площади по приговору шариатского Суда ему отрубали правую руку по локоть, или же его тащили в кутузку, а затем по приговору Военного суда, отправляли в кандалах, на каторгу или в ссылку.

Но это не мешало «стражам закона» вечером мирно сойтись на середине моста и, опершись на перила, вести бесконечные разговоры, глядя на текущую под мостом воду канала.

В этих разговорах рождались долгие споры и воспоминания о недавнем прошлом.

Необходимое отступление

Шел июнь 1865 года. Отряд русских войск под командованием генерала Черняева расположился в пригородных садах на Самаркандской дороге, неподалёку от городских стен Ташкента.

После бескрайних и бесплодных пустынь и сухих степей, сады ташкентского оазиса выглядели, как райский уголок: тенистые деревья, усыпанные плодами, вода, журчащая в арыках, пение птиц. Встав лагерем на новое место, предприимчивые солдаты и казаки, не только разнообразили свой рацион созревшими плодами, но и выгребли сетями из близле-

жащих водоёмов почти всю рыбу, которую местное население почему-то не употребляло в пищу. Особо ценную часть улова составили огромные сомы, которые, как рыба без чешуи, запрещена в употребление в пищу правоверным мусульманам. К полудню весь лагерь пропах запахами жареной и коптившейся рыбы, навевая воспоминания о далеких кубанских станицах. Белые полотняные солдатские гимнастёрки, мелькающие тут и там, переклички голосов и шум военного лагеря, вносили в эти райские картины несколько несвойственные им оживление. Так, должно быть, выглядят райские кущи после больших сражений, когда души новопреставленных солдат, попадают сразу в Рай, не успев остыть от горячки боя.

Все военные начальники отряда собрались на Военный Совет под брезентовый навес у палатки генерала Черняева, поставленной на берегу водоёма, дающего благодатную прохладу. На столе под полотняным пологом, для господ офицеров, расторопными денщиками, был накрыт стол. На нём празднично шумел самовар и на блюдах живописной горкой лежали ранние фрукты и виноград. Ставшие уже привычными, для собравшихся за столом офицеров, пышные лепёшки, заменяли традиционные баранки. Когда почти всю жизнь проводишь вдали от дома, то, даже в походе, не стоит отказывать себе в привычных земных радостях. Ведь жизнь так быстротечна!

Сегодня Черняеву, всего год назад произведённому в ге-

нералы, и весной этого года назначенного первым военным губернатором вновь образованной Туркестанской области, предстояло принять нелёгкое решение.

Прошедший год выдался удачным для Черняева. Выйдя весной из города Верный (будущей Алма-Аты), с отрядом, в полторы тысячи человек с 4 орудиями, он в июне взял штурмом крепость Аулие-Ата. После тяжелого боя под Чимкентом, Черняев отвёл свой отряд к городу Туркестану, взятым в июле отрядом полковника Верёвкина. Объединив под своим началом силы обоих отрядов, Черняев, уже став генералом, вернулся к Чимкенту и 22 сентября штурмовал город и овладел им, переведя свои роты через ров поодиночке по водопроводной трубе. Этим он обратил в бегство кокандскую армию.

Кокандцы бежали в Ташкент. Черняев решил немедленно использовать моральное впечатление чимкентской победы и двинуться на Ташкент, дав лишь время распространиться молве о его победе. 27 сентября он подступил под сильно укрепленный Ташкент и 1 октября штурмовал его, но был отбит и отступил в Туркестанский лагерь.

Это отступление больно ударило по самолюбию молодого генерала. Туркестанцы не привыкли к отступлениям и поражениям.

Его отступление спровоцировало кокандцев на внезапное нападение на Туркестан. Собрав до 12 тысяч головорезов, они в декабре подошли к Туркестану. Но эта орда была оста-

новлена в трехдневном, отчаянном бою у кишлака Икан с 4 по 6 декабря геройской сотней 2-го Уральского полка есаула Серова. Из 110 казаков при 1 единороге, уцелело лишь 11, 52 было убито, 47 ранено. Все получили георгиевские кресты. О сопротивление этой горсти героев сломился порыв кокандцев, и они, не приняв боя с высланным на выручку казакам русским отрядом, возвратились восвояси.

Об этой победе много говорили. Но это была не его Победа.

Этот год должен вернуть ему утраченные победы.

Получив пост военного губернатора, Черняев решил добиться права называться покорителем Ташкента. В апреле он вышел из Чимкента и привел свой отряд к Ташкенту.

9-го мая, основные силы отряда, расположенные в полевом лагере, были атакованы главными силами Кокандского ханства, которые, правитель ханства, мулла Алимкул, накануне привёл из Коканда, на выручку Ташкента. В тот день, мулла Алимкул с 40-тысячным войском, в числе которого было до 10 тысяч регулярной, форменной пехоты, при 40 пушках, на рассвете, с залпами из всех орудий, начал наступление на русский лагерь.

Избыток войск сыграл с правителем Коканда злую шутку. Внезапно напасть всеми силами на укрепленный военный лагерь оказалось невозможно.

Атакующую пехоту и конницу, налетевшие на лагерь в предрассветном тумане, русские встретили стоя в каре, оше-

тинившись штыками и разя из пушек картечью. Новые нарезные длинноствольные винтовки, принятые на вооружение, хоть и заряжались привычно с дула, но благодаря наредам в стволе и пулям, расширяющимся при выстреле, позволяли поражать врага почти за тысячу шагов. Каждая пуля, выпущенная из такой винтовки с близкого расстояния по тесным рядам врага, пробивала тела насквозь и валила с ног сразу несколько человек. Опрокинуть русских не удалось, и после 2-часового боя враг был разбит наголову и, как оказалось впоследствии, сам мулла Алимкул был смертельно ранен.

Участие в этом деле, стало предметом законной гордости каждого из присутствующих.

После этого боя, генерал Черняев, помня о прошлогодней неудаче, решил взять город осадой. Он рассчитывал, что недостаток воды и продовольствия и развал разгромленных войск, при активной помощи военно-политической агентуры работающей в городе, среди торговой верхушки, тесно связанной торговыми делами с Россией, дадут ему возможность взять город без боя.

Но последнее донесение агента «Рахманкул» изменило его решение.

По традиции, установившейся в отряде, офицеры рассказывались за столом «без чинов». За два месяца, проведённых в походе, офицеры отряда успели хорошо узнать друг друга и подружиться. Среди туркестанцев в ходу были отно-

шения боевого братства. А офицеры отряда, за время похода отряда стали друг для друга почти родными и чувствовали себя одной семьёй.

В Русской Армии со времён Петра Алексеевича, было заведено перед принятием важного решения обсудить его на собрании офицеров. Чтобы старшие своим авторитетом не давили на младших, на Совете сначала выступали младшие, затем по возрастанию старшинства, все остальные. Каждый офицер высказывал своё мнение и выслушивал своих товарищей. Поэтому приказ Командира воспринимался, как результат общего решения. Сегодня офицерам Отряда предстояло принять нелёгкое решение, что следует предпринимать дальше?

– Господа! Наша выжидательная позиция не дала результатов. Кокандское войско после гибели Алимкула не покинуло город. Как сообщают мне надёжные люди в городе, наследники Алимкула в Коканде, занятые дележом наследства, отказали ташкентцам в помощи, посоветовав полагаться лишь на собственные силы и на волю Аллаха. Но неожиданно, в городской управе возобладала партия войны, которая послала делегацию к Эмиру Бухарскому, обещая ему перейти в его подданство, в обмен на военную помощь против нас. Сегодня мною получены надёжные сведения, что бухарский эмир созывает со всего Бухарского ханства боевые силы и собирает в Уратюбе громадную армию, а сам уже выступил с регулярными войсками из Самарканда с целью выручить

Ташкент и установить над ним свое влияние.

Наше дальнейшее бездействие поставит нас в положение между «молотом и наковальнею», когда из Самарканда появятся тысяч сорок бухарцев, а в Ташкенте будет сидеть гарнизон из пятнадцати тысяч кокандцев.

Какие будут предложения? Прошу высказываться.

Поручик Шорохов (впоследствии генерал):

– Я предлагаю двинуться навстречу Эмиру и разгромить его в полевом сражении. Думаю, что кокандцы не станут преследовать нас на землях эмира и останутся сидеть в городе, пока не высосут из него все соки.

– Спасибо, Пётр Михайлович.

Ротмистр Вульферт (впоследствии генерал-майор):

– Считаю, что надо брать город. Наш отход от него будет воспринят всеми, как отступление. Это нанесёт непоправимый ущерб престижу России в Туркестане. Я за штурм города!

штабс-капитан Абрамов (впоследствии генерал-лейтенант):

– Город надо брать.

Майор Делаacroa:

– За штурм.

Подполковник Краевский:

– Разрешите напомнить, господа, из Чимкента 23-го апреля 1865 года мы вышли с отрядом из 8-ми рот пехоты, 2-х сотен казаков, при 10 орудиях, Отряд насчитывал около

1300 штыков и сабель при 10 орудиях. позже, уже во время осады Ташкента к нам подошли ещё две роты пехоты и два орудия.

Из этих сил нужно отнять гарнизон крепости Ниязбек, расположенной в 30 верстах от Ташкента, оставленный для отвода воды от города. Нужно отнять гарнизон укрепления Сарытюбе, как промежуточного опорного пункта. Часть сил придётся выделить для охраны обоза. С учётом потерь от боя с муллою Алимкулом, в дело мы сможем задействовать примерно тысячу штыков и сабель. Не густо, но ведь мы – Туркестанцы. Врагов будем считать после победы. Предлагаю штурмовать.

Подполковник Жемчужников:

– Думаю, что враг не ждёт штурма. Дисциплина в городе плохая. Эх, господа, как говорится: «или грудь в крестах или крест на репутации». Я за штурм.

Черняев:

– Господа! Я рад, что Вы настроены не посрамить Славу русского оружия. От Вас не скрою, что рассчитываю па помощь горожан, уставших от пребывания кокандцев. Кокандцев необходимо вытеснить из города, и превратить Ташкент в наш опорный пункт на территории Средней Азии. Значит, будем брать город, господа! Попрошу только об одном – берегите людей.

Священник Малов (впоследствии протоиерей, имеющий митру и орден св. Анны 1-й степени, первый на-

стоятель Ташкентского военного Спасо-Преображенского собора):

– Помолимся, Господа!

Вознося вместе со своими боевыми друзьями молитвы о ниспослании им Победы, генерал Черняев держал в кармане приказ от военного министра с запрещением «отваживаться на штурм в виду недостаточности находящихся в его распоряжении сил».

Но генерал Черняев, был Туркестанцем. Грубую силу он, как и принято на Востоке, всегда сочетал с дипломатией. За время, осады он наладил прочные связи с торговой верхушкой городской знати, которая тяготилась гнетом феодального Коканда и стремилась под защиту Российского императора. Принимая решение о штурме, русский генерал твердо рассчитывал если не на прямую поддержку, то, по крайней мере, на гарантированный пассивный нейтралитет торгово-ремесленного городского посада.

Ночью 15 июня начался штурм Камеланских ворот города. В два часа ночи, или, если хотите, в два часа утра, сняв, без шума сонных часовых, внезапной ночной атакой, и раскрыв ворота, начался штурм города.

Если читать боевые донесения о ходе штурма, то перед глазами возникает красочная картина, как, разделившись, на несколько отрядов, по сто пятьдесят – двести солдат с одной или двумя пушками, эти «штурмовые группы» совершали боевые рейды по улицам города, от ворот к цитадели и об-

ратно. В ходе этих маршей, роты огнём и штыком прокладывали себе путь к Славе, разгоняя толпы противника, захватывая пушки, оружие и разрушая баррикады. Русские отряды с шумом вытесняли воинов Кокандского хана из крепостных укреплений и цитадели. Постоянные манёвры штурмовых отрядов, создавали впечатление у защитников города об неисчислимых силах русских полков.

Все восточные города похожи друг на друга. Не имея надёжных проводников, в паутине городских кварталов несложно и заблудится. Невольно вспоминается знаменитый фильм Гайдая, в котором герой мечется по улицам восточного города в поисках заветной Аптеки.

А теперь, добавьте к герою для сопровождения сотню-другую солдат, и усильте картину громом выстрелов, шумом, криками и топотом сотен ног, поднимающих тучи пыли.

А теперь, посмотрите на эту картину боёв в городе, глазами его ошарашенных защитников и горожан, сидящих в своих домах, и рассчитывающих лишь на помощь Аллаха..

Взрывы и выстрелы гремят со всех сторон. В клубах пыли и дыма по улицам проносятся возбуждённые толпы солдат, безостановочно стремящиеся к только им, одним известным, целям. Вскоре появляются не менее шумные толпы кокандских сарбазов, то ли убегающих от русских, то ли преследующих их. Затем из узких проходов улиц, неизвестно откуда появляются все новые группы солдат и так же стре-

нительно исчезают неизвестно куда.

Отчаявшись не только разгадать цель этих хитрых манёвров, но и даже попытаться сосчитать силы русских, кто-то из кокандцев, мужественно и очень своевременно крикнул:

– Предали! Окружают! За что боролись? Спасайся, кто может!

Очевидная логика происходящего, сразу внесла ясность в светлые головы воинов Кокандского хана. Почувствовав себя лишними на этом «празднике жизни», они организованно бросились к свободным воротам, бросая пушки, знамёна и оружие.

К вечеру истомлённые роты собрались у стен опустевшей ханской ставки. Солдаты с искренней радостью обнимали своих товарищей, которых искренне считали пропавшими и погибшими в этой мясорубке.

К вечеру из тысячи солдат, пошедших утром на штурм города, после безостановочных боёв на баррикадах в теснинах узких городских улиц, у стен цитадели, с трудом, собралось всего чуть больше девятисот человек, измученных своими подвигами.

Глянув на своих солдат, валившихся с ног от усталости, Черняев принимает единственно верное и, безупречное с точки зрения военного человека, решение. Он приказывает поджечь прилегающие к ханской Ставке дома. Как знать, возможно, в ту минуту перед его глазами, как пример, стоял опыт одного французского императора. Оградившись от

возможной ночной атаки надежными стенами, захваченной ханской ставки, и, обезопасив себя от внезапного нападения стеной огня, солдаты всю ночь, набирались сил для продолжения боя.

– Ваше превосходительство! Кажись, делегация.

Караульный солдат, стоящий у зубца стены цитадели, показал рукой в сторону города.

Генерал Черняев выглянул за стену. Через выгоревшую за ночь площадь к цитадели приближалась группа горожан. Двигались они неторопливо и степенно, всем своим видом высказывая миролюбие своих намерений. Солдаты отряда, прервав завтрак и, перестав умываться, в одних рубахах высыпали на стены, с интересом ожидая, что же принесет им появление делегации.

– Братцы, что же Вы меня перед азиатами своими исподними позорите. Всем привести себя в порядок!

Генерал, неторопясь, спустился по ступеням вниз и одернув китель, вышел за ворота цитадели. Боковым взглядом отметил, что солдат на стене уже нет, но возмущенные крики их унтер-офицеров, приводящих войско в порядок, еще доносятся из-за стены. Сделав десяток шагов, остановился в картинной позе, ожидая приближение делегации, выражая презрение к опасности и доверие в посланникам.

Приблизившись на двадцать метров, посланники остановились. От их группы отделился рослый азиат с твердым взглядом ясных глаз. Приблизившись к Генералу на пять ша-

гов, не опуская глаз, он склонился в поклоне, прижав правую руку к сердцу.

– Ваше превосходительство! Я рад приветствовать Вас и Ваших славных воинов в нашем городе. Михаил Григорьевич, разрешите представиться я – Рахманкул.

Услышав русскую речь и имя человека, с которым он, через лазутчиков поддерживал связь со своими сторонниками в городе, Генерал приветливо улыбнулся, сделав два шага вперёд, и протянул руку для рукопожатия.

Рахманкул почтительно приблизился и деликатно пожал протянутую руку двумя руками. Затем, прижав руки к груди, отступил на три шага. Сопровождая каждый шаг полупоклоном.

Его русский язык с заметным акцентом. был уверен и понятен.

– Ваше превосходительство, Я имею честь обратиться к Вам от имени всех горожан с заявлением, «что город сдается Вам и, если ещё не явились с покорностью все аксакалы и почётные граждане, то лишь потому, что заняты восстановлением порядка, успокоением черни и обезоруживанием забравшегося в город с разных сторон всякого сброда». Убедительно прошу Вас придержать своих степных орлов и прекратить огонь. Завтра в это же время я обещаю прибытие к Вам официальной делегации горожан с изъявлением покорности. Прошу Вас, оградить от разграбления Вашими солдатами домов наших сторонников.

– Передайте горожанам, что, с завтрашнего дня они будут находиться под защитой Российского императора. Я гарантирую неприкосновенность их имущества и жилищ. Я буду ждать Вас завтра в это же время.

Обменявшись поклонами, они разошлись к своим людям.

– Господа офицеры, рад сообщить вам, что завтра город будет сдан. Прошу организовать сбор оружия и припасов. Александр Николаевич, Вас, как знатока поэзии и исламского права, прошу составить Договор между нами и горожанами о соблюдении порядка и законности. Не забудьте включить пункты о недопущении грабежей и немедленном и безусловном освобождении всех рабов. Всем подготовиться и, назавтра, прошу всех быть при орденах. С Победой, Господа!

* * *

– Джандарал, обещал прекратить огонь и больше не жечь город.

Рахманкул победно оглядел присутствующих. В его доме собрались самые именитые горожане, с тревогой ожидающих новостей.

– Завтра он ждёт нашей делегации с изъявлением покорности. Джандарал разрешает всем, кто захочет, со своими людьми и имуществом беспрепятственно покинуть город. Необходимо будет послать людей собрать брошенное сарбазами, оружие и имущество и передать его русским.

– Уважаемый, а что будет с нашими домами и имуществом?

– Джандарал обещал, что если Мы не разочаруем его, свое непокорностью и неблагодарностью, то он вообще не даст разграбить город.

– Что-то не верится, что солдаты откажутся от своей добычи. Три дня разграбления захваченного города – освященный веками обычай армий всех времён и народов, начиная с Чингиз-Хана! Интересно, о благодарности в каком размере идёт речь?

Лицо Рахманкула недовольно закаменело.

– Ладно, Я лично постараюсь спасти город от грабежей и попрошу Джандарала Черняева поверить мне на слово, что благодарность будет в течении недели. Но Вы сами понимаете, что это должна быть Большая Благодарность в размере не менее...

Услышав о том, какого размера должна быть Благодарность, многие оторопели. Но, поразмыслив, что если это станет платой за всё спасённое имущество, то цена окажется вполне приемлемой

– А какие у нас будут гарантии?

– О, неверящие! Разве русские солдаты не прекратили стрелять? Разве они удерживают кого-нибудь силой в городе и препятствуют отъезду? И разве русские солдаты вошли в город и нарушают порядок? Идите и делайте то, о чем мы здесь говорили. И помните, что Аллах не любит неверящих

и неблагодарных!

* * *

Великие люди могут позволить себе быть великодушными. Утром 17-го июня, явились к Черняеву аксакалы и все почётные жители и сдали город безусловно, и в городе водворилось полное спокойствие. Так что, на другой же день для Черняева и его свиты, благодарными горожанами была организована экскурсия по историческим местам обороны города и даже организована встреча с его наиболее отличившимися защитниками.

Черняев очаровал горожан своей непосредственностью и непредсказуемостью. На экскурсию по городу он направился со своим штабом и охраной всего в пять казаков. Его поведение было воспринято всеми горожанами, как запредельная храбрость. Защитникам города, он даже выдал охранные грамоты с прощением грехов.

За время нахождения в осаде, Черняев постоянно поддерживал связь с «прорусской партией», склоняя её к сдаче города. Безработные Кокандские воины и их командиры, осевшие в городе, не позволили этой партии выступить открыто. Начав активные действия, Чернов придал движению кокандцев верное направление и вывел партию из подполья. Теперь опираясь на русские штыки, эта партия начинала брать власть в городе в свои руки. Испытывая определён-

ную неловкость от ночного пожара, генерал Черняев запретил солдатам разграбить город.

Встав лагерем за городской чертой, Черняев, в первую очередь, приступил к самой важной составляющей части работы российского военачальника любого ранга, завершившего боевые действия. Перед тем, как посвятить себя приятным, но таким привычным, пустячкам, типа строительства крепости и города, он, со всей тщательностью, приступил к оформлению Боевого донесения в Петербург. Ведь ему ещё нужно было объяснить своему Руководству, почему он не выполнил указания военного министра и взял город. «Победителей не судят? Ерунда. Только победителей и судят. Потому что всех проигравших, уничтожают без суда и следствия. Кто бы мог сказать, сколько карьерных лестниц рухнуло, из-за одного кривого гвоздя неумело сколоченного боевого донесения!

Но Черняев был опытным боевым генералом туркестанской выучки.

Поэтому, уже в начале июля был послан в Петербург инженер-поручик Александр Васильевич Макаров, и на стол Государю вместе с золотыми ключами поднесенными М. Г. Черняеву жителями города Ташкента, легло донесение о том, что отряд в 1300 штыков и сабель при 10 орудиях взял штурмом громадный город 24 версты в окружности (не считая городских садов) со стотысячным населением, вооружённый 63 орудиями, обороняемый 30 тысячами защитни-

ков, из коих до 5 тысяч регулярной пехоты и до 10 тысяч ко-кандской кавалерии, затем два дня дрался на улицах города, взял штурмом до 40 баррикад, до 10 барбетов в и потерял убитыми 25 нижних чинов; ранеными 3 офицеров и 86 нижних чинов, контуженными 4 офицеров и 24 нижних чинов, кроме того ранено и контужено около 15 человек милиции в всего 157 человек, взято 63 орудия, 16 больших паллетных знамен, множество ружей, 2000 пудов пороха и 10 000 разных снарядов.

Государь Александр II пожаловал Черняеву бриллиантовую шпагу с надписью: За взятие Ташкента».

А госсекретарь Российской империи А. А. Половцев в своем дневнике написал: **«Сегодня пришло сообщение, что генерал Черняев взял Ташкент. Никто не знает, почему и зачем. Есть все-таки что-то эротическое в происходящем на границах нашей империи».** И он тут же обеспокоился о том, чтобы сделать эту фразу достоянием всех салонов в Петербурге.

2

Солнце клонилось к закату. С приближением вечера, движение по мосту через арык Анхор становилось все менее оживлённым. Редкий прохожий переходит из старого города в «новый». Арык Анхор стал границей между старым восточным городом и городом новым, европейским, строитель-

ство которого развернулось на левом берегу канала.

Каждое утро с рассветом, на левом берегу на мосту занимал свой пост городской, с шашкой и пистолетом на поясе. Кроме номерной бляхи, на его груди мерцала медаль «за взятие Ташкента», которой он, судя по всему, очень гордился.

На противоположной стороне моста, каждое утро неизменно занимал свой пост городской сарбаз в красном халате с саблей на боку.

Целый день они демонстративно делали вид, что не замечают друг друга.

Но это не мешало «стражам закона» вечером мирно сойтись на середине моста и, опершись на перила, вести бесконечные разговоры, глядя на текущую под мостом воду канала.

В этих разговорах рождались долгие споры и воспоминания о недавнем прошлом.

Сарбаз был из рода Саидов. При завоевании Ташкента он готовился стать писарем в городской канцелярии. С калямом-карандашом и тростниковым пером за ухом, и черепаховой чернильницей на поясе, он сопровождал своего Начальника Канцелярии. Тогда он многое записывал, а еще больше запоминал, ибо нельзя бездумно записывать на бумагу всё подряд. Написанное слово, подобно камню, брошенному вверх. Оно может вернуться и, упав на голову, наделать много бед.

В те дни городской служил солдатом в отряде Черняева

и получил награду за храбрость. Сам он был из курских татар, и, при случае, охотно перешел на службу городовым. Его родной язык был понятен местным узбекам, и он быстро научился понимать их непривычно звучащий говор. Вскоре, незаметно для себя, он и сам стал говорить, как узбек. Вечерние разговоры стали для обоих привычными и желанными.

Вот и теперь разговор у них зашел о генерале Черняеве.

– Якши, куп якши!

Подтвердил Саид, важно кивнув головой.

– Ты думал о Джандарале? Хороший был человек, У! хороший! Если бы все и мусульмане-то были такие, так лучше-го и желать нечего.

– Как же ты догадался, что я вспоминал о Михаиле Григорьевиче?

– Саид все знает. Не трудно догадаться. Лучше тебе скажу: как только попадешь вот на это самое место, то и вспомнишь о нём.

– Почему это?

– А вот я тебе скажу. «Как теперь помню: сражение кончилось, город был взят и наши ташкентцы вышли к нему, именно на этом самом месте с покорностью, бледные, дрожат от страха, низко опустили головы» Ты сам знаешь, какие порядки у нас, когда кто-нибудь победит: уж кого там пощадят, особенно вождей. Наши аксакалы думали, что всех накажут за то, что много русских погибло при взятии Таш-

кента. Другой на месте генерала, пожалуй, сделал бы им что-нибудь дурное. Вскрикнули «Аман» и упали наши на землю, закрыли головы руками и ждали своей участи. И что же? Черняев нагнулся, поднял их ласково, как простой человек, принялся объяснять: «что он не думает их казнить, что если они сделали много вреда, за то теперь верностью Ак-Падше могут загладить прежнюю вину, и не только не будут считаться врагами, но могут сделаться друзьями русских, что война кончилась, и настал мир» и долго говорил он, и все так ровно, тихо. Нам показалось, что не человек говорит, не привыкли мы к этому. Бывало, попадешь в беду и не подумаешь идти к своим кази, аксакалам, курбашам и другим. Без подарка к ним и не смей сунуться. А придешь к нему, скажешь всю правду «сейчас выручит и своего не пожалеет» За все это, непременно, хоть он и кяфир, «будет он награждён небом» учёные люди и те, даже это предсказывают «Спроси любого ташкентца, который знал генерала и всякий тоже скажет»

Сделав паузу, Саид негромко рассмеялся своим мыслям, и, в ответ на вопросительный взгляд товарища, охотно продолжил свой рассказ.

– Не обижайся, Керей-солдат, Вы русские – хорошие люди, но ведёте себя иногда просто смешно.

«Керей – солдатом» он, привычно, начал называть своего знакомого, после того, как узнал, что тот происходит из рода Керей.

– Почтенный и уважаемый род! Даже крымские ханы принадлежали к этому роду. Только говорили они не Керей, а Гирей. Но это неважно. Человек должен знать своих предков. Вот, к примеру, я. Скажу «Саид», и каждый понимает, что в моих жилах течёт кровь дочерей Пророка, да будет над ним и над ними Благословение Аллаха! Поэтому мне нельзя работать. Вот я и стал сарбазом, после безвременной смерти своего благодетеля, чтобы не позорить память своих родителей. А война и торговля – это достойные занятия для благородных мужчин!

– Смешные Вы люди русские! Помню, пригласил Джандарал к себе наших аксакалов и спрашивает их:

– А не станут ли они возражать, если его люди поселятся на левом берегу канала Анхор и построят там для себя город?

– Аксакалы кланяются, улыбаются, а сами стараются понять, в чём тут подвох? С чего бы это Джандаралу спрашивать у них разрешение на строительство? Я-то тогда только молчал и слушал, как аксакалы между собой советуются.

– А если мы скажем нет, нас посадят на кол, сдерут с нас кожу или просто повесят?

– Джандарал добрый человек, он не станет нас казнить, а просто отправит нас в Сибирь, где из нас сделают Русских казаков. Но не это самое страшное. Я слышал от сведущих людей, что в Сибири летом нет ночи, а зимой не восходит солнце. Там не должны жить мусульмане, так как они не смо-

гут узнать, когда им молиться Аллаху! И, значит, гореть их душам в аду после смерти!

Все присутствующие испуганно зашептали молитвы, а городской Голова, с поклоном ответил Джандаралу, что они разрешают русским селиться за городской стеной на левом берегу канала Анхор.

Саид снова тихонько рассмеялся.

А знаешь, что сделал Глава Канцелярии, когда мы вернулись в город? Он в городской летописи золотыми буквами написал, что, по просьбе русских поселенцев, Городской Совет разрешил им строить дома за городской стеной за арыком Анхор. Пусть наши потомки знают, что это мы приютили у себя русских бездомных кяфиров, ведь Аллах учит нас быть милосердными!

Немного спустя, Саид снова забулькал тихим смехом, и, выждав паузу снова погрузился в воспоминания:

Вы русские воевать умеете, спору нет. Встанут «Белые рубашки» в каре и плюются огнем, сея смерть и ужас. А вот строить Вы не можете. Как Вы строите город? Разметили прямые квадраты, вот вам и кварталы. проложили арыки, посадили деревья вот вам и дороги. Словно дороги не для людей, а для посадки деревьев. Как человеку найти и запомнить свой дом и свою улицу, среди сотни похожих домов и улиц? И почему все должны строить свои дома с огромными окнами на улицу, с потолками в четыре метра, деревянными полами, не выходя стенами за границы квартала? И эти люди

говорят нам о демократии!

Заметив, что при слове «демократия», городской потянулся к оружию, Саид примирительно улыбнулся

– Шучу, шучу! А как Вы строите крепость? Пригласили наших рабочих, платите им деньги за работу на стройке. Зачем? Дали бы эти деньги мне. Да я бы, за половину этой суммы, согнал бы на стройку всех горожан и не отпускал бы, пока не закончат стройку. И крепость построил бы, и себя бы на всю жизнь обеспечил, и начальству на хороший подарок денег бы хватило. Нет, не умеете Вы строить!

Вот смотри, уже год строители копошатся в земле, а стен крепости еще не видно!

Керей – солдат не удержался от замечания:

– Не суди о том, о чём ничего не понимаешь! Мне знающий человек рассказал, что под крепостью подвалы будут в четыре этажа!

У Саида удивлённо и восхищенно округлились глаза.

– Подвалы в четыре этажа? Вай-бо! Гениально! Прости, брат, беру свои слова обратно. Вы самые великие строители в мире! Это же надо такое придумать?! «Подвалы в четыре этажа»! Саид восхищенно зацокал языком.

Керей-солдат довольно улыбнулся.

А Саид продолжал восхищаться:

– Представляешь, Вызывает Ак-Падша к себе Джандарала и говорит:

– Бери из Казны денег, сколько надо, и построй Мне кре-

пость, аж в семь этажей!

– Слушаю и повинуюсь, говорит Джандарал и набивает свои карманы золотом и едет строить крепость. Проходит время. Едет Ак-Падша на белом коне по городу и видит – стоит крепость, а в ней всего три этажа! Спрашивает грозно Ак-Падша, а где ещё четыре этажа? А ему строители и отвечают:

– Не вели казнить, о грозный Ак-Падша! А вели Слово молвить! Построили мы крепость, как Ты и велел – в семь этажей. Три этажа перед тобой, о, светоч Мира, А четыре этажа под землёй.

Ну не полезет же Ак-Падша проверять под землю, сколько там этажей? А больше никого другие солдаты туда и не пустят – Военная тайна – Крепость!

– Нет, Джандарал поистине Великий Человек!

Не удержавшись, Саид снова забулькал и закхекал. У него это должно было означать иронический смех или смешок.

Расскажу Керей-солдат я тебе одну историю. Был среди наших купцов некий купец Рахманкул. Очень уважаемый человек. Водил он караваны в Россию, много торговал. Много языков знал, и иранский-форси, и арабский, даже немного по-русски понимал. Много денег имел. Ну, очень образованный человек был. Так вот, когда русские воевали в городе, Рахманкул не побоялся пойти к Джандаралу, и уговорил его, за хороший Бакшиш, не грабить город и его жителей. Не поверили ему наши аксакалы, что такое возможно. Говорят

русские и деньги возьмут и город ограбят. Хорошо, сказал тогда Рахманкул,

– Я сам переговорю с Джандаралом. и передам ему бакшиш, из своих средств. Но если, все будет, по-моему, то Вы вернёте мне все мои деньги и ещё десятую часть сверху.

А что, справедливо. На том и порешили.

Когда же Рахманкул сдержал Слово и Джандарал запретил своим солдатам даже заходить в наши дома, все обрадовались и быстро собрали указанную сумму. Перед тем как передать деньги Рахманкулу, деньги были отданы на хранение городскому Казначею.

И вот, собрались как-то у Рахманкула уважаемые люди, чтобы обсудить Договор, которые русские подготовили для города. Вдруг приходит Казначей, плачет, губы у него трясутся, всё повторяет: «Вай, пропала моя голова!»

Все испугались, что у него Казну украли, оказалось, нет, ничего серьёзного. Просто Казначей пошел к Джандаралу спросить, а не согласится ли он взять, в качестве Бакшиша, инглизкие бумажные «пунтстерлинги», которые прислали из Коканда, и, которые мёртвым грузом лежат в городской казне, потому, что на базаре никто не верит, что деньги бывают из бумаги. Узнал Джандарал, что ему хотят дать бумажные деньги, разозлился, стал кричать, что он, мол «мзду не берёт», ему мол, «за Державу обидно!» И, что он, с Казначеем, за это «шкуру спустит!» Короче, Казначей еле убежал от Джандарала.

Узнали, все, что «шкуру спустить», Джандарал обещал только с Казначея, успокоились. Наверное, просто кожу сдерут, Да и сам виноват. Все знают, что инглизы русским всегда были врагами. Как можно предлагать Бакшиш уважаемому человеку, деньгами вражескими, да ещё и бумажными! А ведь вроде бы ученый человек. Погоревали немного о Казначее, и стали думать, что же им делать дальше.

Рахманкул стал говорить, что если кто хочет вместо него говорить с Джандаралом, то – пожалуйста, пусть попробует. Только когда с него будут «спускать шкуру», пусть потом не жалуется на свою Судьбу.

Короче, еле уговорили Рахманкула снова взяться за это дело, пообещав дать ему вместо десятой доли Бакшиша. сверху одну восьмую долю.

Согласился Рахманкул продолжить дело, но тут вмешался городской Кази, и предложил вместо денег подарить Джандаралу золотую саблю с драгоценными камнями. Мол, у него, как раз есть такая, оставленная кокандским курбаши Сиддык-Тура при отступлении из Ташкента.

Все свои взоры обратили к Рахманкулу.

– Нельзя дарить саблю. У Джандарала тоже есть начальники. Кто и сколько их, Мы не знаем. Сабель на всех не напасёшься. Скажет начальник Джандарала:

– Я тоже хочу себе такую саблю. И что тогда делать?

Отдаст Черняев саблю своему начальнику – останется без сабли.

Не отдаст – останется без должности, начальники везде одинаковые.

И тогда Рахманкул спросил, уж не та ли эта сабля, на которой золотом написано: «Меч Ислама разящий неверных»? Тогда уж пусть Кази сам и преподнесёт её Джандаралу, и посмотрим, как долго после этого его голова останется у него на плечах?

Тут все согласились, что саблю тоже дарить нельзя. Что же делать?

Но Рахманкул всех успокоил и сказал, что он все уже придумал. На те деньги, что собрали горожане, он уже заказал двенадцать золотых ключей от городских ворот, которые, на серебряном блюде, и надо преподнести Джандаралу.

А что останется, Рахманкул, как и договорились, оставит себе. Все обрадовались, что не надо больше собирать денег и стали хвалить Рахманкула.

Но Рахманкул был не только очень умный, но еще и очень добрый человек. Я сам слышал, как он, тихонько пообещал приунывшему Казначею, что попросит Джандарала не казнить его. И еще сказал, что готов ради пользы города, забрать из его казны бесполезные бумажные «пунтстерлинги», и внести в казну за каждую бумажку по полновесному русскому рублю, а ведь один рубль, это пять серебряных таньга! А когда Казначей, со слезами на глазах, бросился его благодарить, предупредил его, что их разговор нужно оставить в тайне, ибо он хочет, чтобы его добрые дела творились скрыт-

но!

– Керей-солдат, а ты как думаешь, что лучше: Золотая сабля или двенадцать золотых ключей?

– По мне, так сабля лучше.

– Солдат и есть солдат.

Саид махнул рукой.

– Пойми, что двенадцать очень хорошее число. Можно легко, без проблем и обид, поделить его и на две, и на три, и на три, и на четыре, и на шесть и, даже, на двенадцать частей.

– Хорошей саблей я тоже легко могу поделить тебя и на две, и на три, и на четыре...

Керей-солдат не смог договорить, давясь от смеха, и примирительно полубнял Саида, и похлопав его по спине. Отсмеявшись, он заметил:

– Как удачно, что в городе ровно двенадцать ворот.

Саид укоряюще посмотрел на собеседника, и философски сказал:

– Эх, Керей-солдат, ничего ты так и не понял. В этой жизни неважно, сколько ворот в городе. Важнее, сколько от них есть золотых ключей. Как не важно есть ли в доме подвал или его нет. Иногда важнее, сколько в этом подвале этажей! А еще важно, чтобы все наши дела, даже добрые, творились скрытно и безнаказанно!

Курс второй

*Впереди ещё три года, три бесконечных года,
Вставай, подъём, тревога! Вставай скорей,
курсант!*

*Тасуется колода, тасуется колода,
Тасуется колода, и карты шелестят.
Эх, повезло б немного, Эх, повезло б немного,
Достать бы из колоды туза, да козырной!
Чтоб выпала дорога, и нам выпала дорога,
Та, что хоть ненадолго, нас привела б домой!*

Глава 9 Отделение, запевай!

– Товарищи курсанты, Руководство кафедры Тактики, согласовало вопрос с Вашим командованием, о привлечении Вас к проведению занятий с курсантами первого курса.

Новый преподаватель сверху вниз посмотрел на нас, ожидая вопросов. Какие могут быть вопросы! Вот что значит свежий взгляд со стороны! Недавно прибыл в наше училище, после окончания Академии Советской Армии, и сразу безошибочно определил, что лучше нас в училище нет никого. По слухам, до Академии, он командовал батальоном Специального назначения. В этом как-то не хочется сомневаться.

Вы видели в Петергофе фонтан, где то ли Геркулес, то ли Самсон считает зубы котёнку, гордо, почему-то, названного львом? Выглядит наш новый преподаватель, так же, только, без льва, и в полевой форме. Хотя, насчёт льва я, наверное, погорячился. Ведь зовут его именно Лев, Лев Нюхалов.

Впрочем, о своей скромности мы можем говорить часами. Поэтому, не стану отвлекаться и продолжаю.

Мы, – это несколько курсантов нашего взвода, которым доверили попрактиковаться в проведении занятий с первокурсниками. И теперь, вместо того, чтобы стоять на ветру и слушать, как преподаватель монотонно зачитывает нам положения Боевого Устава, мы будем вальяжно прохаживаться перед строем первокурсников и с выражением зачитывать им статьи Боевого Устава.

На следующий день, мы прибыли для проведения занятий на Тактический Городок. Так громко назывался участок полигона с отрытыми на нём ямками и ямами, которые должны были обозначать окопы различного вида и профиля.

Здесь уже нас ожидали взводы курсантов и преподаватель. Каждому из нас выделили по отделению и мы, со своими отделениями, рассредоточились по полю, чтобы не мешать друг другу своим педагогическим мастерством.

Выбрав место поукромнее, я построил своё отделение в одну шеренгу, и приступил к занятиям. Слава Богу, на память жаловаться не приходилось. Я отлично помнил, как год назад передо мною впервые открывался мир, полный зага-

док и открытий, называемый «Тактикой». Первые уроки назывались загадочно «Действия солдата в бою». Объявив тему занятия, я интригующе вынул из командирской сумки маленькую книжицу с названием «Боевой устав сухопутных войск». Громко и с выражением я стал зачитывать им статьи из этой занимательной книжки. Курсанты не шевелясь, стояли в строю, боясь пропустить хотя бы слово. В их застывших взглядах читалась напряжённая работа мысли и крайняя сосредоточенность, похожая на транс.

Первые эмоции проявились только после окончания занятия. Курсанты не могли скрыть своей радости от полученных на занятиях знаний. С чувством выполненного долга я привёл свое отделение к месту построения.

Отпустив взводы курсантов на обед, подполковник Нюхалов посмотрел на нас. Мы понимали его смущение. По-видимому, он просто не ожидал от нас такого высокого уровня преподавательского мастерства. Как все большие люди он был, до обидного, немногословен.

– В 16.00. построение здесь для инструкторско-методического занятия. Форма одежды – полевая с оружием, прошу не опаздывать.

После обеда, не торопясь, разобрав оружие, мы, весёлой стайкой, насвистывая, прибыли к месту построения.

Подполковник Нюхалов уже ждал нас. Посмотрев на нас, бросил:

– Что, некому доложить?

Первым сориентировался Филимонов. Как кадет, он всегда быстро принимал решения.

– Отделение, Ровняйся, смирно! Равнение на середину! Товарищ полковник, отделение для проведения инструкторско-методического занятия прибыло! Докладывает курсант Филимонов.

– Товарищ курсант, отделение опоздало на четыре минуты. При повторении опоздания, будем проводить марш-бросок в составе отделения, по одному километру за каждую минуту опоздания. При опоздании на срок более пяти минут марш-бросок будет проводиться в противогазах.

Почему-то, глядя в глаза товарища подполковника, захотелось, почти по-Станиславскому, прошептать:

– Верим.

Видимо за время службы в разведке товарищ подполковник отвык от опозданий. Но мы, молодые преподаватели, привыкли прощать мелкие недостатки своим старшим коллегам.

Объявив тему занятия, преподаватель указал место для построения у куста в метрах в двухстах от нас. Грустно размышляя о тяжелой доле педагогов в армии, мы потопали к указанному кусту. Не доходя метров двадцать, мы услышали:

– Отставить!

Вернувшись в исходное положение, мы узнали, что все передвижения на поле боя осуществляются ускоренным шагом

или бегом, в полный рост или пригнувшись.

Второй раз к кусту мы подбежали, бодро топя ногами, и увидели, что нам флажками подают сигнал «Все кругом!»

В исходное положение мы возвращались уже не так бодро. Здесь мы узнали, а точнее нам напомнили, что на поле боя солдат должен постоянно следить за командами и сигналами своего командира.

Выдвигались в этот раз мы уже с оглядкой. На пол пути, кто-то громким голосом скомандовал:

– Отделение, Стой!

Развернувшись в цепь, мы ожидающе уставились на командира, ожидая дальнейших команд.

И снова в исходное положение.

– Что опять не так?

И снова, как откровение, мы узнаём, что на поле боя команда «Стой!» выполняется, так же как и команда «Ложись» или «К бою!».

Самое обидное, что всё это мы наизусть заучили ещё на первом курсе. И сегодня всё это мы уже зачитывали своим ученикам. Но сейчас эти простые истины начинали восприниматься нами как-то по-другому.

Во время очередного выдвижения к злополучному кусту, дождавшись команды «Стой!» мы дружно повалились в пожухлую траву. Лёжа мы надеялись отдышаться, но очередной сигнал снова вернул нас в исходное положение.

– Товарищи курсанты, трехминутный огневой налёт про-

тивника уничтожает, открыто расположенную живую силу. Подразделения, окопавшиеся на поле боя, сохраняют боеготовность даже после сорокапятиминутного обстрела. Вывод?

– Лучше летом у костра, чем зимой на солнце. Вырвалось у кого-то, непонятно, зато от души.

– Ну, как-то так. Поэтому солдат заняв позицию на поле боя, сразу приступает к её инженерному оборудованию, то есть отрывает окоп для стрельбы лёжа, затем, углубляя его, оборудует его для стрельбы с колена и стоя, затем окопы соединяются в окоп на отделение.

После такой подсказки, так и не добравшись до заветного куста, дождавшись команды «Стоять!», мы плюхнулись на землю и, отстегнув лопатки, стали долбить ими сухую землю. Прохаживаясь вдоль линии, на которой в муках творчества рождались неглубокие окопы, преподаватель, как бы, между прочим, напоминал нормативы по отрывке окопов. Помня классика, что если на первом часе занятия речь заходит о нормативах, то на третьем часе эти нормативы придётся выполнять, мы всё своё внимание сосредоточили на отрывке окопов. На противный звук сигнальной ракеты СХТ внимания никто не обратил. И напрасно.

Это поняли сразу, когда, бросив прощальный, грустный взгляд на неотрытые окопы мы построились перед преподавателем

– Противник хитёр и коварен. В бессильной злобе, терпя

поражение от наших мужественных войск, он не останавливается перед применением химического оружия. Что означает запуск сигнальной ракеты СХТ (Сигнал Химической Тревоги)? А это означает, что противник применил химическое оружие, и я разговариваю с покойниками.

Как и положено покойникам, эти упрёки мы выслушали молча.

И тут мы узнаём, что повторение (!) пройденного материала закончено, и мы приступаем к основному вопросу занятия. «Действия солдата в качестве наблюдателя».

Узнав, что теперь у всех у нас, редкая в этих краях, фамилия Иванов, мы получаем задачу на ведение наблюдения на позиции впереди в тридцати метрах. Дослушав до конца боевой приказ мы доверчиво бросаемся к местам для наблюдения в готовности начать оборудовать окопы для стрельбы лежа, и рассчитывая их замаскировать, как строгий окрик снова возвращает нас в исходное положение.

– Товарищи курсанты, доложите, как солдат выдвигается к месту наблюдения?

– Ускоренным шагом или бегом!

Ох уж эти выскочки, не успеет степенный человек обдумать свой обстоятельный ответ, как на тебе – «ускоренным шагом или бегом!» А где главное? «В полный рост или пригнувшись!» Да я и сам собирался так ответить, просто не привык выкрикивать с места, как некоторые...

– Правильно, скрытно, чтобы враг вас не обнаружил. А это

значит по-пластунски. Кстати, для переползания тоже имеется норматив.

Снова заслушиваем приказ и начинаем выдвижение. С первого взгляда ничего особенного, ползи себе и ползи по травке. Но всё дело в том, что Господь Бог, при создании среднеазиатской травки, поручил разработку дизайна создателю колючей проволоки. Поэтому каждая травинка в бескрайней степи имеет колючки, большие или маленькие. Когда ползёшь по такой траве, в голову приходят самые неожиданные мысли, типа: хорошо бы предложить индийским йогам, любителям спать на гвоздях и ходить по битому стеклу, за умеренную плату повалиться на этой травке. И им удовольствие, и нам доход.

Но, памятуя об упомянутых нормативах, особенно не расслабляемся и стараемся двигаться скрытно и быстро, как майские жуки, спешащие на зов сердца к подругам.

Вот, наконец, и заветный рубеж. Окоп, лопатка, пот и зной. Слышу истошный крик:

– Ориентир один, влево двадцать – автомобиль по дороге!

Да, кто бы мог подумать, что жизнь солдата на поле боя может быть настолько насыщенной незабываемыми впечатлениями!

А я уже и забыл, что я не только, мини землеройный комбайн, но ещё и наблюдатель. Дружно подхватываю доклад о результатах наблюдения, который разногласицей разносится на все лады по полю вокруг. Противный звук сигнальной

ракеты глохнет в дружном крике не менее противных голосов «Отделение, Газы!» В противогазе рыть окоп и наблюдать вокруг ещё невыносимее. Но наше старание вознаграждается добродушным:

– Отбой, Газы!

Если Вам покажется, что засохшая земля пахнет недостаточно изысканно для Вас, то наденьте противогаз на пятнадцать минут и повторите попытку. Вас оглушит свежий воздух степи с неповторимым ароматом степных трав. Всё познаётся в сравнении.

Снова построение. Готовые ко всему, мы не верим своим ушам, узнав, что занятия закончены. Сожалеющим голосом преподаватель сообщает нам о том, что невозможно в полном объеме повторить трёхчасовое занятие за один час. Он смог только дать нам только основные приёмы и методы доведения учебного материала до обучаемых. Так вот как называется этот кошмар в приличном обществе!

Стоя в строю, я с трудом сдерживаю бурю эмоций, клокоющую в груди.

– Неужели нам предстоит завтра таким особо циничным способом «сеять разумное, доброе, вечное». среди таких же курсантов, как и я?! А как же курсантское братство?!

Но тут сквозь раскаты грома бесшумно гремящего внутри меня, до мозга доходят заключительные слова напутствия:

– А если что-то не будет получаться, – проведём ещё одно инструкторско-методическое занятие.

– Что-что, еще одно занятие?! Ну, уж нет. «Платон мне не друг, а товарищ курсант». Извините, хлопцы, ничего личного, но у нас, у преподавателей, не принято подводить коллег или обсуждать приказы! Не сомневайтесь, товарищ полковник, занятия проведем по новой методике на высочайшем методическом уровне. Как учили!

На следующий день мы овладеваем новой методикой. Курсанты первокурсники метались по полигону, безуспешно пытаясь избежать педагогических ловушек, умело и со сладострастием расставляемых молодыми педагогами цвета хаки. Но, не имея образца для сравнения, они сразу начинают думать, что на занятиях по тактике по-другому быть и не может. Блаженное неведение!

Степь стонала

Со всех сторон звучали такие знакомые слова, произносимые разными голосами, но с такими, до боли знакомыми, интонациями:

- Противник хитёр и коварен!..
- Передвижение на поле боя осуществляется,
- К месту для наблюдения солдат выдвигается...
- Трехминутный огневой налёт противника...
- А это означает, что я разговариваю с покойниками!

Две недели пролетели незаметно. Две недели мы совершенствовали изученные педагогические приёмы и придумывали новые. Во время проведения занятий, мы ревниво следили за своими друзьями, бессовестно копируя всё новое,

что рождалось в наших изошрённых педагогических мозгах.

Бедные первокурсники, они и представить себе не могли, что являются участниками бесчеловечного эксперимента по рождению профессоров военно-педагогической науки новой формации. Профессоров убежденных, что для того, чтобы перевернуть Мир, нужна не точка опоры, а пехотная лопатка, противогаз и, чуть не забыл, пара флажков. Один белый, а другой – красный. (Смотри приложение к Строевому уставу). И весь Мир будет вертеться вокруг нас. А если у него не получится с первого раза, повторим ещё раз, но уже в противогазе.

С опытом приходит и уверенность в себе. Строй, стоящий перед собой начинаешь воспринимать, как очередную группу обучаемых. И, как-то незаметно для себя начинаешь привыкать к тому, что незнакомые тебе курсанты здороваются с тобою первыми.

Чтобы не прерывать процесс учёбы и не расплескать удовольствие, свои отделения мы забираем уже в учебном центре прямо с построения, и в ходе выдвижения к месту занятия, успеваем настроить наших учеников на рабочую волну. Возвращаемся в учебный центр тоже в составе своих отделений. Пройдя у нас полевою выучку, молодые курсанты быстро понимают, что идти строем, даже строевым шагом, – это вид поощрения, который надо ещё заслужить. Ведь противник хитёр и коварен, но даже применение им химического или ядерного оружия не заставит нас бросить раненных то-

варищей на поле боя. И даже если придется нести их на руках.

Нет, просто идти строем – это уже Счастье. Счастье понятное только избранным.

Оп-па! У Филимонова отделение идет с песней, чеканя шаг! Это что-то новенькое! Мы пели батальоном, ротой и взводом. Отделением еще не пели.

Эх, скорее бы окончить учёбу и стать офицерами! Говорят, что офицеры могут учить своих подчинённых целыми днями, даже без перерыва на обед. Какая прелесть! Дожить бы.

Точно говорят, что «лучше летом у костра, чем зимой на солнце!» Отделение, запевай!

Глава 10

Светит солнце лучезарное...

Утро. Покой. Сквозь полудрёму чувствуется, что солнце уже вошло. Слышится тихое пение птиц и воркование горлинок. Мир прекрасен и гармоничен. Бесценные минуты утреннего сна. И вдруг в этот прекрасный мир безжалостно врывается противное шипение и, гнусавый голос искаженный неудачной записью, неразборчиво хрипит:

– Рота подьём!

И раздаётся невыносимая музыка оркестра, и хор фальшиво-бодрыми голосами начинает завывать:

Светит солнце лучезарное
Над военным городком,
Над солдатскою казармою,
Над моим родным полком!

Дальше слов не разобрать, но музыка неумолимо звучит везде. Начинаешь понимать, что она уже проникла в твой мозг, и избавиться от неё невозможно.

Под звуки этой ненавистной мелодии, мы поднимаемся и готовимся к построению для утренней физической зарядки.

В течение десяти минут, отведенных распорядком дня на утренний туалет, эта мелодия будет выворачивать нам души.

Наконец, под затаённый вздох облегчения, музыка замолкает. Из динамиков, установленных по всему спортивному городку, раздаются глухие команды, чередующиеся с ударами барабана, слышимые далеко вокруг.

Утренняя физическая зарядка началась. В течение двадцати минут мы попадаем в безжалостный конвейер здоровья и утренней бодрости.

До рвоты знакомый голос будет решать, что нам делать. А мы, как бездушные марионетки будем одновременно подтягиваться на перекладинах, и отжиматься на брусьях, поднимать и опускать ноги и развивать мышцы пресса на гимнастических скамейках. Заученные и отработанные движения позволяют выполнять упражнения, не задумываясь. Привычные физические нагрузки ничто по сравнению с мораль-

ными страданиями, которые мы испытываем, с нетерпением ожидая окончания этого кошмара. Команду к началу кросса, мы воспринимаем уже со всеобщим облегчением. Впереди всего лишь двадцать пять минут бега в полной тишине, без терзающих душу завываний, стуков и команд.

Да здравствует бег, символизирующий Движение и Жизнь!

После физзарядки нас ждёт умывание по пояс в холодной воде при любой погоде и в любое время года. И только после этого чувствуешь, что жизнь прекрасна.

А тяжелые воспоминания о пережитом, память загоняет в самые отдалённые уголки сознания, чтобы не травмировать психику, до следующего утра, когда эти двадцать минут нужно просто снова пережить. И так будет продолжаться до окончания третьего курса. Но нам этого сейчас лучше не знать.

А ведь как всё хорошо начиналось!

На первом курсе в апреле мы узнали, что наше училище подвергается Всеармейскому Смотру спортивно массовой работы. Это счастье свалилось на нас один раз в два года, то есть два раза за всё время обучения. Впервые нам предстояло пережить его уже в начале учёбы.

Как и все запланированные мероприятия в армии, Смотр пришёл внезапно, и все лихорадочно начали в нему готовиться. Конечно же, основная нагрузка сдачи проверки легла на старшие курсы, но и нам досталось так, что не забудешь

никогда!

В течение месяца перед Смотров, мы, целыми днями учились бегать, подтягиваться и преодолевать полосу препятствий.

В порядке «инициативы снизу», наш командир батальона подготовил показательное выступление по проведению утренней физической зарядки.

И вот, в училище прибывает комиссия для проведения смотра. В её составе в основном специалисты кафедр физподготовки различных училищ, уже переживших проверку, или которым она ещё только предстояла. Все они ревниво замечали всё новое, что рождал пытливый армейский гений в период тяжёлых испытаний.

Для знакомства мы показываем им наше выступление. Ах, как лихо и старательно мы выделявали наши «па»! Комиссия была в восторге.

Мы и представить себе не могли, что это представление затянется так надолго и нам предстоит повторять его «НА БИС!» ещё столько раз!

Затем начались трудные будни смотра. Наша кафедра физподготовки и спорта подготовилась к смотру замечательно. И то обстоятельство, что некоторые курсанты, и даже курсантские взводы и роты оказались к смотру не готовы, не могло изменить общую картину торжества Силы и Красоты.

Комиссия знала, что могут быть попытки несколько приукрасить результаты и достижения. Поэтому всё подверга-

лось проверке. Проверке дотошной и недоверчивой. Вот проверяющий со стометровой рулеткой промеряет дистанцию бега на сто метров. Вот он торжествующе тычет в линию финиша, которая коварно перенесена почти на пол метра в сторону уменьшения дистанции. Вот, обескураженные преподаватели физподготовки, под бдительным взглядом проверяющего, наносят новую линию «Финиша» и закрашивают старую. За всей этой суетой, как-то теряет значение тот факт, что стометровая рулетка, конспиративно изготовленная по спецзаказу на одном из ташкентских военных заводов и с виду ничем не отливающаяся от настоящей в длину едва достигает метров девяносто. Просто каждый миллиметр на этой чудо-рулетке всего на десять процентов меньше эталонного. Но зачем расстраивать торжествующего проверяющего, раскрывшего попытку обмана такими мелочами. Ну что такое одна десятая часть миллиметра!

Или скажем, проверяющим представляют блок из десяти(!) секундомеров надёжно закреплённых на одной подставке. Причём хитрый механизм позволяет запускать их все одновременно, а останавливать каждый отдельно. Это нехитрое приспособление позволит надёжно зафиксировать результаты сразу десяти курсантов, сдающих проверку. Есть что-то завораживающее в одновременном синхронном движении десяти Стрелок. И какой мелочью начинает казаться на этом фоне то обстоятельство, что знакомый часовщик отрегулировал все десять секундомеров так, что они все друж-

но отстают на те же десять процентов. Но это всё фирменные секреты недоступные непосвященным. Но ведь есть и просто хорошая организация учебного процесса.

При всей многочисленности комиссии, её всё равно меньше, чем проверяемых курсантов. Больше одного проверяющего на взвод не получится. Чтобы проверяющие не смогли объединиться, сдача зачётов спланирована одновременно в разных частях училища.

Вот скажем, взвод курсантов прибыл для сдачи кросса на тысячу метров. Принимать зачёт на стадионе, как предлагают наши преподаватели, члены комиссии сразу категорически отказываются. Этим старым приёмом, когда двадцать пять курсантов выстраивают на стадионе карусель, и становится невозможно уследить за каждым, в результате половина сдающих курсантов на финише не добегают один последний круг. И тут, совершенно случайно, проверяющим становится известно, что между двумя КПП в училище, о чудо! ровно пятьсот метров по прямой. Это значит, что сократить или «срезать» дистанцию невозможно. Достаточно просто «запустить» взвод от одного КПП пересчитать всех бегунов у другого КПП и, затем остаётся просто встретить взвод на финише. Два проверяющих примут зачёт у взвода за пять минут. Между КПП имеется телефонная связь, по которой проверяющие могут постоянно общаться, сообщая друг другу обо всех обнаруженных нарушениях. А о том, что нарушения будут, никто из членов комиссии не сомневается. Роб-

кие возражения наших преподавателей только убеждают комиссию в своей правоте.

Тем более, что многоопытные члены комиссии предусмотрительно заготовили для нас несколько неприятных и, как они думают, неожиданных сюрпризов.

Даже обидно, чем они собрались обескуражить наших «Зубров»! Таким нехитрым приёмом, как наличие нескольких комплектов нагрудных номеров, надеваемых при беге, различного цвета. Этот приём может сработать где-нибудь в отдалённом гарнизоне, где Комиссии противостоит одинокий начальник физподготовки и спорта полка. Номера всех цветов и размеров уже давно заготовлены у нас в нескольких экземплярах и тихо ждут своего часа.

Вот этот взвод готовится к сдаче зачёта. Курсанты построены на линии старта. Проверяющий достаёт нагрудные номера и раздаёт их курсантам.

Вот все готовы. Ну что, побежали?

– Стоять!

Преподаватель кафедры физподготовки требует всем достать и показать военные билеты. Затем начинает дотошно сверять их с журналом боевой подготовки взвода. Проверяющий, ничего не может возразить против скрупулёзного выполнения всех положенных процедур. Можно не сомневаться, что этого времени достаточно для того, чтобы номера и их цвет стали известны всем, кому небезразличны результаты забега.

Вот, наконец, наморщив лоб, проверяющий дает сигнал начало кросса.

На середине дистанции между КПП разместились большая группа патриотически-настроенных курсантов. Начало кросса они встречают подбадривающими криками. И ничего, что в это время, согласно расписанию занятий, они должны находиться в классах и аудиториях. Разве можно в такую минуту удержать курсантов, переживающих за результаты Смотра? Патриоты!

Вот бегущие курсанты добегают до болельщиков и почти смешиваются с ними. В это время с противоположной стороны шумной толпы, чуть ли не расталкивая товарищей, наконец, вырываются бегуны. Под одобрительные крики они приближаются к деревянной тумбе, обозначающей место поворота на финишную прямую. Проверяющий, мимо которого со скоростью сайгаков с выпученными глазами проносятся наши герои, с трудом успевает записывать нагрудные номера, прошедшие контрольную точку. Дождавшись прохода последнего, проверяющий, не торопясь, отправляется в здание КПП, доложить о результатах наблюдений. Выйдя на финишную прямую, курсанты с утроенной силой бросаются догонять своих товарищей. На пол пути, их снова окружает толпа болельщиков. Добежав до них, курсанты, словно обесилев, падают на руки своим товарищам, и, словно отказываясь от борьбы, срывают нагрудные номера и стыдливо прячут их в карманы. Но о чудо! Из противоположной части сную-

щей толпы вырывается другая группа курсантов. Всё это время, пока их товарищи бегали отмечаться на пункт контроля, они скромно стояли окружённые своими почитателями, восстанавливая дыхание и собираясь с силами для решающего рывка. Подбадривающие крики являются для них сигналом к началу движения. И вот они, отбросив ненужную скромность, бросаются в последний бросок к финишу. На финише, проверяющий может сколько угодно пересчитывать бегунов, проверять их военные билеты и условные метки на нагрудных номерах. Всё чисто.

Написать, что всё честно, язык, всё-таки, не поворачивается. Мы ведь не обманщики, какие-нибудь. Потом проверяющий может сколько угодно удивляться, почему в его родном училище, он знает всех спортсменов-разрядников поимённо, а здесь в каждом взводе несколько результатов, соответствуют спортивным разрядам. Его наивное приглашение на откровенность натывается на глухую стену непонимания.

Вот взвод сдаёт полосу препятствий. Здесь результат поскромнее, но всё равно, добежав до окопа и нырнув в него, курсант, через мгновение выпрыгивает из другого окопа, в мгновение ока, преодолев шестиметровую подземную галерею, их соединяющую, и, с удвоенной силой, устремляется в обратный путь. Здесь наши преподаватели уже не затягивают время сдачи. Только финишировал один спортсмен, как тут же стартует другой. Где уж тут проверяющему заметить, что

стартуют одни курсанты, а финишируют, почему-то, другие. Но когда доходит очередь до настоящих спортсменов, наши преподаватели силком заставляют убедиться проверяющего к достоверности результата.

И это далеко не все секреты успеха.

Когда же результаты Смотра были обнародованы, то истинной причиной ошеломляющих спортивных результатов, была объявлена новая методика проведения утренней физической зарядки, разработанная во втором батальоне. Хуже всего, что в это поверило и Командование училища.

В результате, наш командир батальона клятвенно заверил Командование, что в его батальоне физическую зарядку будут проводить теперь только так.

Командиры других батальонов благоразумно отнеслись к новой методике скептически, и вводить новшества у себя не спешили. Поэтому всех, кроме нас минула чаша сия. Когда же на четвёртом курсе мы переселились в общежитие, на нашем новом спортивном городке не было, слава Богу, динамиков, и последний год обучения мы посвятили восстановлению, своей расшатанной, нервной системы.

И когда, однажды, на четвёртом курсе, в клубе при просмотре какого-то фильма раздалась ужасно знакомые слова ненавистной песни, весь второй батальон взорвался криком-стоном. Это вызвало неподдельное удивление у всего остального училища. Но объяснять им, не покалеченным судьбой и спортом, никто ничего не стал. И, пользуясь слу-

чаем, я развею покров тайны над этим таинственным событием.

И мой Вам совет, никогда не пойте в присутствии выпускников ТВОКУ 80-го года выпуска песню о том, что

Светит солнце лучезарное
Над военным городком,
Над солдатскою казармою,
Над моим родным полком!

Министерство Обороны предупреждает, что это может **ОЧЕНЬ** повредить Вашему здоровью.

Глава 11

Отпуск

*Отпуск время оторваться от сохи,
Бог нам в отпуске прощает все грехи!*

Вы, наверное, очень удивитесь, но самым желанным моментом в жизни курсанта является отпуск. Его ждут. До него считают дни. И если верить классику, что «в общественном Парижском туалете, есть надписи на русском языке», то, наверняка, среди них есть и такая «до отпуска 10 дней!» и, непременно, с восклицательным знаком.

И речь идёт, конечно, о летнем отпуске, на тридцать дней и тридцать ночей, который предоставляется курсанту после

сдачи летней сессии. Бывает отпуск и зимний, на две недели. Но он необязателен. Его командиры могут сократить или, вообще, лишить за провинности и неуспеваемость.

То ли дело летний отпуск. После окончания второго курса, перед отпуском, мы, на законных основаниях нашивали на рукава нашивку с тремя заветными полосками, соответствующих третьему курсу. Что сразу выделяла нас из среды солдат срочной службы.

К отпуску мы всегда готовились заранее. Потому, что путь курсанта домой всегда связан с опасностями и приключениями.

Обычным людям, хаотично, без строя и не в ногу и без команд снующим по улицам больших городов, даже трудно представить, каким опасным может быть Большой Город для военного человека в мирное время. Опасности поджидают его везде. И на тихой улице, и на просторном проспекте.

Особо опасны для него места большого скопления людей и транспортные узлы – вокзалы, аэропорты пристани и остановки междугородных автобусов. Опасность таится везде.

Опасность заключается в начальниках военных патрулей, для которых каждый солдат, сержант или курсант военного училища является желанной и законной добычей.

Если «Социализм – есть учёт и контроль», то социализм в армии, это учёт и контроль, доведённые до высшей степени идиотизма. Военные коменданты Больших Городов дальновидно научились планировать даже количество нарушите-

лей, которые будут задержаны военными патрулями на улицах их городов в будущем месяце и, даже, в будущем году. Поэтому у начальника военного патруля нет более важной задачи, чем претворение в жизнь этого плана прозорливого предвидения Военного коменданта по отлову нарушителей.

К счастью, выполнение грандиозных планов Руководства в нашей стране, всегда упиралось в ограниченность сил и средств их Исполнителей. Поэтому военные патрули вынужденно выходили на «Тропу войны» в строго определённое время и по строго определённым маршрутам. Зная это, мы легко передвигались, в случае необходимости, по родному городу, без риска встречи с патрулём. Опасности для нас таились только на незнакомых тропах чужих гарнизонов.

Но и тут мы находили выход в том, чтобы предусмотрительно не надевать военную форму при следовании в отпуск и обратно. Но, в ответ на каждую нашу хитрость, начальство придумывало для нас свою очередную заботу о нас. Так наивысшим проявлением начальственной смекалки, явился приказ о явке в военную комендатуру, для постановки на воинский учет и снятия с него, в военной форме всех отпускников, при прибытии в гарнизон, и. при убытии из гарнизона. Здесь деваться было некуда. Хочешь, не хочешь, но приходится надевать военную форму и в начале отпуска и в конце его, чтобы предстать «перед грозные очи» дежурного помощника военного коменданта.

Многолетний опыт поколений курсантов научил нас ми-

нимизировать ущерб от этого события. Так как в отпуске мы надевали форму только два раза, при постановке на учёт и, при снятии с него, то мы и не заморачивались по этому поводу. Действуя по принципу, «народ дал, народ пусть и смеётся», в нашем училище было не принято облагораживать парадную форму, ушивая или украшая её. Мы не носили никаких нагрудных знаков, кроме комсомольского и суворовского значков. Это избавляло от многих ненужных вопросов. Пусть форма сидела мешковато. Но ведь мы шли на свидание не с Любимой девушкой, а с Горячо любимой комендатурой. Там мы даже получали удовольствие оттого, что помощники военных комендантов очень удивлялись и расстраивались, не находя, к чему бы придраться. И это была наша маленькая месть.

В свой летний отпуск после второго курса, я решил посетить город-герой Ленинград. Когда я, естественно, в гражданской одежде, с небольшой сумкой, со сменой белья и военной формой, в одной руке, и, с большой сумкой, с восточными фруктами и огромной дыней, в качестве пароля для хозяев явочной квартиры, в другой руке, прибыл на железнодорожный вокзал, настроение моё сразу начало портиться. Не улучшилось оно и при первом выходе в город.

Причиной явились, как Вы уже догадались, Моряки. Почти половину всех военных патрулей, составляли военные моряки. Если встреча с военным патрулём не предвещала ничего хорошего курсанту-отпускнику, то встреча с воен-

ным патрулём из моряков, может закончиться гауптвахтой. В нашем тихом и солнечном Ташкенте люди даже не подозревают, что моряков в городе может быть так много.

Дело в том, что даже при встрече спортивных фанатов «Зенита» и «Спартака», у них есть хотя бы одна общая точка пересечения интересов, – это футбол. Конечно, у солдат и моряков тоже есть общее. Ведь, как сказал один российский Император, «У России есть только два постоянных союзника, – это её Армия, и её Флот». Но, хоть мы и являемся неизбежными и заклетыми союзниками, между нами лежит огромная пропасть во всём.

Если Вы когда-нибудь близко сталкивались с военными моряками, то Вы согласитесь со мной, что моряки, скорее всего, если не инопланетяне, то, по крайней мере, уж точно, не Земляне. У них, как у потомков древних Атлантов свой язык. Но явно не русский. Почему скамейка у них звучит как «банка» а канат, как «конец», простому человеку понять невозможно. Почему скорость они измеряют в узлах, расстояние – в милях и кабельтовых, а время – в склянках, неразрешимая загадка для ума нормального человека. Предположим, что это какой-то архаичный туземный диалект, сохранившийся до наших дней в некоторых прибрежных областях нашей необъятной Страны.

Но вы обращали внимание, что у них на кораблях даже время замедляется. Если моряк, служит в морской пехоте, (здесь ключевое слово – «пехота», а это уже почти люди),

то свой Священный долг перед своей Родиной он выполняет за два года. А если он простой моряк и, при выполнении этого Долга, будет находиться на военном корабле, то когда он его, наконец-то с честью выполнит, то на берегу за это время пройдёт уже целых ТРИ года. Поэтому, наверное, на кораблях моряков кормят не три, а четыре раза в сутки, добавляя к завтраку, обеду и ужину, ещё и «утренний чай»! Я ничего не утверждаю, но меня, всё-таки немного напрягает тот факт, что гульфик у военных моряков на брюках находится не спереди, а сбоку. Ну и, последний аргумент. Вы когда-нибудь видели их Адмиралов? Ну, это, как наши Генералы, только морские. Видели, да? А-а, Вы тоже заметили? А ведь они действительно, не носят лампасов! «Ну и как, скажите можно жить в обществе, где нет цветной дифференциации штанов!»

Теперь Вы понимаете, почему моряки относятся к армейцам с неприязнью и подозрением на генетическом уровне, как кошки к собакам, на что военные всегда отвечают им с добродушной иронией.

Как бы то ни было, я не желаю Вам, когда Вы в форме солдата Советской (или российской) Армии, пересекаться с военным патрулём военных моряков.

Гарнизонная гауптвахта не самое лучшее место на свете. Но дни, когда в караул при гауптвахте заступают военные моряки, для арестованных солдат, по справедливости, можно засчитывать один день за три. А фраза «Галюн. Добро,

Одна минута!» будет приходиться к ним в ночных кошмарах ещё долгие годы, и после увольнения в запас.

Может быть, поэтому у нас в стране, традиционно существуют как бы две столицы – Москва для Армии, а Питер – для Флота? Но и в этом случае, Флоту досталось лучшее и почётное место. У окна. У «Окна в Европу».

Мне рассказали однажды очень смешной анекдот. Вроде как старушки в дачном посёлке обсуждали, что ночью кто-то оборвал яблоки на даче.

И когда одна делает предположение, что это возможно, натворили моряки, то другая аргументировано замечает, – Да нет, следы были человечесьи!

Смешно, правда!

А когда, тот же анекдот, мне рассказали уже про солдат, то получилось совсем не смешно. Верно?

Вы были когда-нибудь в Ленинграде? Особенно в его историческом центре? Ужасный город! На улице с одной стороны канал, а с другой стороны стоят строем Дворцы. При встрече с патрулём бедному курсанту деваться просто некуда.

Но наша смелость проявляется не только в минуты военных испытаний. Для настоящего военного, она может потребоваться в любой момент.

Нет, ничто не может остановить Курсанта-ленинца, когда он идёт выполнять свой долг!

С утра, одевшись во всё чистое, как Вы уже догадались,

в военную форму, и, чем окончательно очаровав своих милейших хозяев, я направился в Военную комендатуру для постановки на воинский учёт.

Свой маршрут в комендатуру я по туристической карте города, предварительно спланировал так, чтобы по пути избежать станций метро, вокзалов и остановок междугородних автобусов. В результате я предусмотрительно выбрал маршрут троллейбуса, проходящего неподалёку. На нём я без пересадок подъезжал к самой комендатуре. Я старался держаться беззаботно, скромно и с достоинством, чтобы не привлекать к себе внимание. По моей задумке, моё поведение на неприятельской территории должна убедить всех, что я «свой, питерский» в смысле курсант Ленинградского пехотного училища. А со своих, известно, какой спрос?

В результате моей находчивости, я мог любоваться городом на Неве, находясь в относительной безопасности от всяческих напастей.

И тут на одной из остановок в троллейбус вошел курсант-танкист. Увидев меня, он стал протискиваться ко мне, явно принимая меня за ленинградца. Это позволило мне внимательно рассмотреть его.

Грудь курсанта украшал целый иконостас знаков солдатской доблести, от знаков «Гвардия», «Отличник Советской Армии» и «Специалист первого класса» до «Воин-спортсмен» и «Кандидат в мастера спорта». Глядя на его широкую грудь, я используя метод дедукции постарался представить

себе его славный боевой путь. Конечно же, я рассчитывал в самом начале нашей предстоящей беседы поразить своего собеседника своей внимательностью и эрудицией.

Итак, я быстро набросал его психологический портрет.

Знак «Гвардия» – Харьковское или Ульяновское гвардейское танковое училище. Третий курс (как и я). «Специалистом первого класса он мог стать только в войсках, прослужив до поступления в училище не менее года. Знак «Отличник СА», говорит о том, что летнюю сессию сдал на отлично, без четвёрок, (как и я). Немного смущало то, что отличник учёбы, прослуживший в войсках не менее года, не был назначен «добровольно с принуждением» на сержантскую или старшинскую должность. Но в любом случае передо мной была личность яркая и неординарная. Поэтому, начиная разговор, я держался, подчёркнуто уважительно.

Но мой небольшой опыт опять показывает, что «не так страшен советский танк, как его необученный экипаж». И в этот раз я был сражён непредсказуемостью и танковым натиском.

Но всё по – порядку. Снисходительно глянув на мой одинокий комсомольский значок, курсант покровительственно протянул мне руку и представился:

– Ташкентское танковое!

Наверное, я не смог сдержать изумления, глядя как моя железная и стройная, как Эйфелева башня, логическая схема умозаключений рассыпается под напором «стали и огня».

Я смог лишь удивлённо произнести:

– А почему «Гвардия»?

И тут я услышал замечательный, неотразимо универсальный ответ, достойный стать рыцарским девизом любого Кутюрье:

– У нас все так ходят!

Вступать в полемику с танкистами меня отучил один случай из жизни. Как-то на первом курсе я оказался в одной компании с курсантом танкистом. Как вы понимаете, если в городе есть танковое училище, то оно лучшее военное училище в стране. А если в одном городе размещаются сразу танковое и пехотное училища, то танковое училище, несомненно, является лучшим училищем в мире. При этом пехотное училище может себе позволить быть всего лишь самым лучшим училищем в городе.

Итак, тогда мы интеллигентно беседовали на тему «Красота – страшная сила», Наличие в компании нашей общей знакомой, подливало масло в огонь нашего спора. Спор обострился после того, как наша общая знакомая, блеснула своей эрудицией, заметила, «что у гусеницы мускулов больше, чем у человека». Полушутя, полусерьёзно, я тут же философски заявил, что «зато у человека больше мозгов и, поэтому он сильнее любой гусеницы». И тут мой оппонент, в танковых петлицах, играючи опроверг мои, вроде бы безукоризненно логичные утверждения, безапелляционно заявив:

– Сильнее любой гусеницы, кроме танковой!

Памятуя своё правило не спорить с танкистами, я просто назвал себя:

– Ташкентское пехотное!

На правах земляка, я попытался предупредить своего нового знакомого, об опасности появляться в военной комендатуре в таком виде, тем более, что и фуражку он носил с околышком не суконным, как положено, а с бархатным, что является привилегией только «богов войны» – артиллеристов.

Но в ответ я удостоился лишь снисходительной усмешки. С такой усмешкой спартанский царь – Леонид отвечал персидскому полководцу:

– Тучи ваших стрел затмят Солнце? Значит, мы будем сражаться в тени!

Ну что ж, «безумству храбрых, поём мы песню!»

Беседуя, вместе мы без приключений добрались до Военной комендатуры.

Перед входом в комендатуру, мой знакомый деликатно пропустил меня вперед, как и положено, по Боевому уставу: «в городских условиях пехота движется впереди танков».

С уставом не поспоришь, поэтому я решительно направился к небольшой очереди перед столом, за которым помощник военного коменданта творил суд и расправу над отпусниками и командированными.

Всё это напоминало картину, как русские князья прибывают в Золотую Орду на поклон Великому Хану. Если бы не

тревожная неопределённость, витающая в воздухе, могло бы выглядеть забавно и, даже поучительно.

Дождавшись своей очереди, делаю три чётких строевых шага и останавливаюсь перед столом. Четким командным голосом, слышным даже за стенами комендатуры, докладываю:

– Товарищ майор, курсант Бурнашев для постановки на воинский учёт прибыл.

Вздрогнувший от неожиданности майор, удивлённо смотрит на мой военный билет, с вложенным в него отпускным билетом. Их я держу, не шевелясь, в вытянутой руке перед собой. Каменное выражение лица и немигающий взгляд, заставляют, товарища майора, усомниться в моей адекватности. Но всё выдержано в рамках дозволенного, именно на той грани, где заканчивается устав и начинается идиотизм, граничащий с насмешкой. Взяв мои документы, товарищ майор внимательно осматривает меня с ног до головы. Придаться в моём внешнем виде товарищу майору просто не к чему. Перед ним эталонный манекен с плаката. В глазах товарища майора ясно читается мысль гаишника, проверяющего ремень безопасности:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.